

Ю Р И Й К О С Т И Н

УБИТЬ ГОРБИ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Юрий Костин

Убить Горби

«Проспект»

2025

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Костин Ю. А.

Убить Горби / Ю. А. Костин — «Проспект», 2025

ISBN 978-5-39-244913-2

Олегу, молодому офицеру спецслужб, доверено важное дело — охранять находящегося на отдыхе в Крыму президента СССР Михаила Горбачева. И никто не догадывается, что у него есть еще и тайное задание — ликвидировать первое лицо страны. Он не выполняет приказ и тайно вывозит Горбачева из Фороса, чем навлекает на себя гнев заказчиков и оказывается по разные стороны баррикад с лучшим другом... Книга основана на реальных событиях. Сюжетный узор состоит как из исторических фактов, так и вымышленных ситуаций. Самобытный подход автора к описанию событий, раскрытие характеров через диалоги, широкая география действия романа и важнейшие вопросы, поднимающиеся по ходу захватывающего действия, заинтересовали не только читателей, но и кинематографистов — как отечественных, так и зарубежных.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-39-244913-2

© Костин Ю. А., 2025
© Проспект, 2025

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	16
Глава четвертая	25
Глава пятая	32
Глава шестая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Юрий Костин

Убить Горби

Политический детектив

* * *

© Костин Ю. А., 2025
© ООО «Проспект», 2025

* * *

Все персонажи романа, за исключением широко известных политических и общественных деятелей, вымышлены. Любые совпадения случайны. События, описанные в романе в контексте исторических ситуаций, также являются следствием разработки литературного сюжета. Подробности приема на работу и обучения сотрудников специальных служб, профессиональная лексика, методы работы являются лишь догадками или плодом фантазии автора, а поэтому не могут служить источником знаний о специфике деятельности указанных сотрудников и их организаций.

*Желаю всем вам всего самого доброго.
Из заявления М. С. Горбачева об отставке, 25 декабря 1991 года*

*Я хочу попросить у вас прощения... Будьте счастливы... Вы заслужили счастье и спокойствие.
Из обращения Б. Н. Ельцина к россиянам по случаю отставки, 31 декабря 1999 года*

Глава первая

30 марта 2011 года

В последнюю среду марта 2011 года улицы Лондона, ведущие к одной из красивейших концертных площадок мира, традиционно загруженные в середине недели в это время суток, были оживлены больше обычного.

Избранная публика стекалась на светский праздник в Роял Альберт-Холл. Событие, послужившее для этого поводом, подогревало интерес, и счастливицы, которым повезло стать его участниками, не без оснований надеялись на экстраординарные сюрпризы. У самых дверей они выстраивались в небольшие очереди к металлоискателям и послушно проходили досмотр.

В это же время с противоположной стороны здания представительские лимузины доставляли к красной дорожке публику еще более избранную. Бывшие министры и президенты, актеры и губернаторы, депутаты парламентов, российские парламентарии-миллионеры, в те времена еще не опасавшиеся продемонстрировать свои возможности, миллиардеры, наконец, самые популярные звезды мирового шоу-бизнеса вызывали своим появлением чрезвычайное оживление среди репортеров телевидения и радио, фотографов, папарацци, а также праздной публики, которой, как правило, совершенно все равно, по какому поводу ажитация. Прессы здесь было не так много, как, например, на церемонии открытия Каннского кинофестиваля, однако достаточно для создания требуемого антуража.

По ковровой дорожке проследовал известный актер и бывший губернатор крупного американского штата, и это вызвало всеобщий ажиотаж: площадка перед входом в зал зашумела, осветилась десятками фотовспышек, огласилась мольбами повернуться лицом, в профиль, боком, отойти на пару шагов, приблизиться к ограждениям...

За бывшим губернатором тянулась вереница неизвестных широкой общественности персонаний. Вот на ковер ступила ослепительно элегантная, дорого и со вкусом одетая пара, и какой-то начинающий фоторепортер поинтересовался у сгрудившихся у ограждения собратьев по профессии:

– Who are these people?

Коллега, пожилой монстр журналистики в потертом «боевом» жилете, рассеянно пожал плечами и бросил в ответ:

– You know, I just don't give it a damn. Я их всех фотографирую. Чего спрашивать? А вдруг это новый Абрамович, а с ним очередная счастливая русская стюардесса?!

Приглашенные строго придерживались дресс-кода. Мужчины, за редким исключением, были скучно-элегантны, в одежде отличались друг от друга лишь маркой смокингов и цветом бабочек. Дамам правила света предоставляют куда больше возможностей выделиться из толпы, и потому они постарались сегодня выглядеть элегантными тотально, тем более что перед теле- и фотокамерами, а также под строгими прицелами своих бескомпромиссных в оценках сестер у них не было иного выбора.

Несмотря на обилие русскоговорящего люда в Лондоне, к которому местные успели привыкнуть, число гостей из России и выходцев из Советского Союза сегодня было беспрецедентным. И как следствие, здесь оказалось немыслимое число случайных людей, для которых в диковинку были игры высшего света. Им пришлось впервые в жизни выложить огромные деньги при покупке смокингов и вечерних платьев в пол, и это не считая всевозможных аксессуаров, абсолютно необходимых здесь, но бесполезных в иных случаях, хотя и тоже неприлично дорогих.

Настроение у публики было приподнятым, многие пришли на праздник уже навеселе, а на верхнем ярусе Роял Альберт-Холла титулованных гостей и их случайных или неслучай-

ных попутчиков ждали аперитивы и канапе с черной икрой. Вдобавок к этой радости в ложах предлагались вина и закуски.

Даже охрана и сотрудники зала вели себя максимально корректно, словно сегодня отмечался и их праздник тоже. Отчасти это было именно так, поскольку здесь вот-вот должно было начаться отмечание юбилея президента Советского Союза Михаила Сергеевича Горбачева, исцелившего западный мир от многолетнего страха перед угрозой с Востока.

Только один человек из сотен приглашенных не разделял всеобщего настроения предвкушения праздника. Он не удосужился поинтересоваться программой вечера, ведущими – ярчайшими звездами Голливуда, накрытым в галерее фуршетом, шампанским, таралетками с черной икрой, водкой и даже красавицами, которых тут пребывало в избытке. Мысли этого странного гостя были только о виновнике торжества, но об этом никто не знал. Повсюду ему мерещились пристальные взгляды, отчего он пронесся по красной дорожке стремительней штурмовика, идущего на таран, уткнувшись взглядом в лакированные туфли, приобретенные накануне в бутике недалеко от отеля Claridge's, где он остановился.

В окружающей обстановке его смущало все, а кое-что даже вызывало острые приступы злой иронии, гнева и возмущения, и в первую очередь – выбор страны и места для проведения помпезной части празднования юбилея Горбачева.

Впрочем, чему удивляться, коль скоро той страны, взамен которой он получил нынешнюю мировую славу и почет, больше не существовало?

Он не заметил, как концерт, превратившийся в невиданное ранее, невероятное в постсоветской биографии Горбачева интернациональное чествование с участием стольких соотечественников, подошел к кульминации. Под сводами Роял Альберт-Холла зазвучала простая мелодия, и знакомый голос запел с экрана о любви к первой леди Советского Союза...

*Все давно прочитаны страницы,
Только я не знаю, почему
Сердце, словно раненая птица,
Тянется к измятому письму.
И как будто, позабыв разлады,
Ты мне улыбаешься опять...
Почему?.. Нет, никогда не надо
Письма наши старые читать.*

Этот голос, эту манеру пения, этот непобедимый южный акцент он запомнил на всю жизнь, и события двадцатилетней давности, когда мог и должен был навсегда избавить Землю от этого любимца мировой общественности, пронеслись в голове.

Что ж, тогда ему это не удалось... Возможно, получится теперь, сегодня, здесь, в этом шикарном зале, на виду у нарядной публики, которая сама не знает, участницей какого исторического события в действительности ей предстоит стать.

«Я должен, обязан сделать это ради тех, кто ушел, и тех, кто остался доживать век в вечных душевных страданиях, совершить поступок, искупить вину».

Лишь только закончился очередной номер и ложу, где сидел Горбачев, осветил луч проектора, он встал с кресла и, извинившись перед соседями за причиненное беспокойство, решительно проследовал к выходу в фойе...

Глава вторая

18 августа 1991 года

«Человек предполагает, а Господь располагает». Если принять эту старинную русскую поговорку за аксиому, жить станет гораздо проще.

Генерал-майор Степанов умом понимал, что так и нужно поступить, но не всегда мог совладать с эмоциями. Когда к цековскому дому на Большой Бронной улице водитель Игорь подал его персональную «Волгу», а супруга Вероника Николаевна упаковала последний чемодан и отпускное настроение наконец-то проникло в их просторную квартиру, в гостиной зазвонил телефон. Генерал негромко выругался. За годы службы в Генштабе он научился распознавать особенности телефонных звонков. Этот был явно с работы, звучал требовательно и потому предвещал неприятные сюрпризы или досадную смену планов.

– Слушаю, – проговорил в трубку генерал Степанов. – Да, я. Что? Вы что там, совсем охренели? Нет, я в порядке, это у вас бардак. Неужели трудно узнать, что я уже два дня в отпуске? С шестнадцатого августа, официально. Что значит «простите»?

Гнев старого солдата и аппаратчика, однако, быстро сошел на нет – генерал был вспыльчив, но отходчив. Успокоившись, присел на краешек дубового журнального столика прекрасной работы – дореволюционной, в крайнем случае довоенной.

– Теперь все ясно. В следующий раз разговор начинай с главного: вызывает министр... – строго произнес Степанов. – Выезжаю. – Генерал извлек из кармана отпускного пиджака платок и вытер пот со лба. – Вероника! – позвал он жену громким командным голосом, не заметив, что она уже тут как тут, стоит рядом и смотрит на него с тоской и жалостью.

Сколько раз в жизни он уже видел этот взгляд! И чего она всегда так смотрит, когда служба вносит в их жизнь непредвиденные коррективы? Давно пора привыкнуть...

– Я так понимаю, мы никуда не едем? – спросила она нарочито спокойным тоном.

– Не так понимаешь: вы едете, я пока нет, – ответил Степанов. – Бери Сережу, поезжай в аэропорт, как договаривались. Я прилечу завтра. Не думаю, что тут надолго. Форму мне только приготовь. Пожалуйста...

* * *

На совещании в Кремле присутствовали председатель КГБ и несколько его замов, премьер-министр Павлов, министр внутренних дел Пуго, министр обороны Язов, несколько сотрудников ЦК и руководитель аппарата президента, некогда друг семьи Горбачевых – Болдин и первый секретарь Московского горкома партии Прокофьев.

Андрей Васильевич Степанов задержался: забиравшая его из дома дежурная машина сломалась по дороге. Волновался, но, видать, зря. Когда вошел в просторный переговорный зал с большими окнами и прекраснейшим видом из них, никто не обратил на него никакого внимания.

Так и сидели молча, утомительно долго, казалось, целую вечность, по очереди поглядывая на Владимира Крючкова.

– Товарищи коммунисты, – наконец заговорил Крючков, поминутно вздыхая, как от приступов астмы. – Видите, вот приходится собираться по два раза на дню. Приветствую тех, кого не видел сегодня в Теплом Стане, на объекте «АБЦ». Итак, все вы знаете, что мы отправляли к Михаилу Сергеевичу в Форос специальную делегацию. Отправляли с тяжелым грузом на душе, понимая, что толку, скорее всего, не будет... Вот товарищ Болдин вернулся пять минут назад из Крыма – и сразу к нам сюда. Новости плохие. Похоже, президенту серьезно нездоровится или

он один не понимает, что наша родина сейчас в опасности. Я не побоюсь даже сказать, что в не меньшей опасности, чем она была в сорок первом, накануне гитлеровской агрессии. Мы сейчас сражаемся на два фронта: с одной стороны, так называемая демократическая оппозиция, с другой – поощряющий их Запад. Отечество в опасности. Что же получается, побоку итоги референдума о сохранении Союза, побоку тысячелетняя наша история, товарищи? Пожалуй-ста, Валерий Иванович, рассказывайте.

Болдин встал, принялся застегивать пиджак и от волнения застегнул не на ту пуговицу.

– Президент принял нас у себя на даче. Как и было оговорено, предварительно проведенная работа должна была дать ему понять, что партийное и советское руководство не может дальше оставаться безучастным к катастрофическим последствиям, которые очевидно будет иметь продолжение развала государства. Экономическая конъюнктура, падение цен на энергоресурсы...

– Валерий Иванович, по сути дела, пожалуйста, – деликатно, но твердо прервал его Крючков.

– Хорошо. По сути дела. Он спросил, чьи интересы мы представляем. Тогда товарищ Бакланов назвал имена здесь присутствующих. В свою очередь Валентин Иванович, то есть товарищ Варенников, в более резкой форме высказал свою собственную точку зрения, которая, впрочем, совпадает с нашим общим мнением. Мы предложили президенту действовать по плану от двадцать восьмого марта сего года, обсуждавшемуся с ним в Ореховой комнате.

Степанов вздрогнул. Осторожно глянув на присутствующих, он подумал: «Выходит, правда – собирались, кумекали. Еще тогда...»

– Другими словами, поддержать введение в стране чрезвычайного положения, и даже пригласили его самого возглавить специальный комитет, – промямлил Болдин.

– И что? – нетерпеливо перебил Болдина маршал Язов. – Что он ответил? Отказался?

– Он не ответил прямо на вопрос...

– Обычное дело для Горбача: ни да ни нет, ничего конкретного, – прошептали за столом.

Генерал Степанов оглядел присутствующих, но так и не понял, кому принадлежала данная ремарка. А еще он не мог взять в толк, почему из всех высших руководителей Генштаба сюда пригласили именно его, ведь он не курировал политический блок. Его работа, его детище – это специальные подразделения, засекреченные, «несуществующие» диверсионные отряды ГРУ ГШ МО СССР. Грозный кулак страны – даже от одного только количества согласных в аббревиатуре его врагу должно было стать не по себе...

– Каков же все-таки был его ответ? – спросил Крючков с еле уловимым оттенком нетерпения в голосе. – Товарищ Болдин, да говорите вы как есть – нам решение принимать. Завтра будет поздно!

– Он сказал... короче, товарищи, вроде бы он сказал: «А не пошли бы вы на ...!»

Болдин покраснел, но не от смущения, а от неприятных воспоминаний. Там, в Форосе, он вел себя неделикатно. С Раисой Максимовной не поздоровался даже, пускай и от волнения, но она-то что теперь должна подумать? И еще Горбачев взял да и грубо отчитал его при всех: «Мудак ты, Валера, молчал бы, а то приехал мне лекции читать о положении в стране».

В комнате случилось ерзанье, шушуканье, кряканье и легкие смешки. Лишь на лице Крюčkова не дрогнул ни один мускул.

– По крайней мере, это почти конкретный ответ. – Председатель КГБ СССР пожал плечами и в очередной раз тяжело вздохнул. – Он вызывает уважение, но не меняет сути дела. Итак, именно завтра, девятнадцатого, мы должны объявить в стране специальное положение, о котором договорились вчера. Товарищ Язов сейчас расскажет нам о готовности Московского военного округа и других округов... Следует также передать в прессу и на телевидение правильную информацию о лидерах так называемого демократического движения. Пускай народ знает, за кем идти не следует...

– Подписал бы Договор, а потом в отпуск отправлялся. И все было бы хорошо... – со вздохом пробормотал маршал Язов. В его голосе слышалось сочувствие Михаилу Сергеевичу. Премьер-министр Павлов еле слышно кашлянул. Почти все обернулись в его сторону.

– Вы хотите что-то добавить, Валентин Сергеевич? – поинтересовался Крючков.

– Да. У меня есть предложение... Как бы так правильно сформулировать? Товарищи, не стоит ли нам выбросить на прилавки магазинов все, что есть в запасе, к тому же снизить цены на некоторые товары?

* * *

Когда совещание закончилось и гости стали разъезжаться, полковник Владимир Иванович Немезов, помощник Крюčkова по специальным поручениям, доверенное лицо, кадровый чекист с глазами, стремящимися, подобно победитовым сверлам, продырявить собеседника насквозь, попросил генерала Степанова задержаться.

Он провел его в кабинет, который скорее смахивал на предбанник, чем на офис в государственном учреждении. Окон тут не было, а на стенах красовались панели с выполненными в стилистике тридцатых годов легкомысленными пляжными пейзажами. Все сплошь заграничного производства.

– Хотите чаю или кофе, Андрей Васильевич? – Немезов пригласил Степанова за стол. – Сейчас распоряжусь. Да я и сам бы от кофе бы не отказался. Похоже, ночью сегодня не спать.

– Уж наверняка, – тихо вздохнул генерал. – Мне бы чаю, да еще конфет. Или лучше сухариков с изюмом. Хотел перекусить в аэропорту – не вышло.

– Знаю, знаю, неприятно, когда человек в отпуск собирается, а тут такое. Жаль, что Вероника Андреевна вынуждена ехать на юг одна. Но, как говорится, человек предполагает, а Бог...

– Располагает, – подхватил Степанов, по привычке не удивившись осведомленности представителя «передового отряда партии». Разве что отчество он спутал: не Андреевна, а Николаевна...

– Верно, располагает. Но я постараюсь ваше время ценить так же, как свое. Впрочем, если все пойдет так, как мы думаем, как предполагаем, отпуск придется отменить.

– Дело привычное, – генерал пожал плечами.

Он вспомнил утренний разговор с супругой, представил солнце и соленый вкус морской воды и понял, что на самом деле собрался в отпуск исключительно ради близких. Настолько тошно было наблюдать за происходящим в стране, что ни о каком отдыхе он и думать не желал.

Стараясь не выказать чекисту свои чувства, Степанов решил сразу вывести его на откровенность:

– Если можно, Владимир Иванович, переходите к делу, я слушаю вас внимательно.

– К делу так к делу. По-вашему, как поступит Сам, когда узнает завтра, что его отстранили от власти?

– Затрудняюсь ответить.

Немезов встал, прошелся по комнате, потом подошел к небольшому секретеру, где стояли несколько телефонов, снял трубку:

– Два кофе, конфеты, печенье... Нет, секунду, погодите. Лучше коньяку принесите и закуски. Икры, рыбки порежьте, лимончики...

Немезов вопросительно взглянул на Степанова. Тот отчего-то воздел руки к потолку и кивнул.

– Представляете, икру приходится теперь тщательно выбирать, даже сюда стали гнать браконьерскую, – посетовал Немезов. И тут же, по-партийному доверительно перейдя на «ты», поинтересовался: – Скажи мне, Андрей Васильевич, как сам ты относишься к тому, что происходит в стране?

– Да... с продуктами стало похуже. Я, безусловно, понимаю: это временно. Но магазинную икорку избегаю. Однако доложу, дела с поставками у меня налажены отменно. Боевой товарищ, полковник Столярчук, живет в Хабаровске, так он подбрасывает нам икорку раз в квартал.

– Андрей Васильевич, что же ты никак не можешь расслабиться? Ты же понял, о чем я, не так ли? Ты за Горбачева или против?

– Товарищ Немезов, наше дело военное. Я в политику не лезу и в свою очередь немало рад, что меня партия не шибко поучает, каким калибром чего заряжать...

– Согласен, есть такая профессия – родину защищать. Это как раз про тебя, Андрей Васильевич. За такими защитниками, как ты, мы все будто за печкой у бабки в деревне. Но внешняя угроза не так страшна, как внутренняя.

Степанов понял: откровенной беседы не избежать. Будучи человеком осторожным, он решил слегка оголить свои тылы:

– Но если по чесноку, как у нас в Псковской области говорят, – отозвался он, – сердце кровью обливается оттого, какую страну мы губим.

– Мы губим? – Немезов горько усмехнулся. – Это ты, генерал, верно сказал. Заметь, не я это повернул так, а ты сам. Это ты сказал «мы», а не «они». Потому что это мы все будем отвечать перед историей за новый Союзный договор, будь он неладен, за развал... Я даже думать не хочу об этом, не то что вслух произносить! Иными словами, именно это я и хотел услышать, а то, сам понимаешь...

– Что именно?

– Да так, ничего, дело у меня к вам, – Немезов стал серьезен. – Санкционированное на самом высоком уровне. Если, конечно, не считать Горбачева.

– А как можно его не считать? – Степанов пристально посмотрел на Немезова. – Горбачев пользуется таким авторитетом на Западе... Случись что – за него весь мир встанет горой. И тогда полная изоляция и новый виток гонки вооружений. Сами же знаете, не выдержим мы. А республики?

– Отрадно слышать, что вы все правильно понимаете. Рассуждаете политически и экономически обоснованно. Другое дело, если, к примеру, Западу станет вдруг некого поддерживать...

Немезов запнулся, заметив в дверях дежурную сестру-хозяйку с подносом.

– Вы что здесь стоите? – строго спросил Немезов.

– Заказ ваш принесла, – проговорила смертельно побледневшая дежурная.

– Раз принесли – ставьте на стол! Свободны!

Женщина суетливо расставила рюмки и стаканы для боржоми, но, почувствовав нетерпеливый взгляд полковника, стремительно ретировалась.

– Вот зараза. Двери-то бесшумные, как в кино про космические путешествия, – заметно расстроился Немезов. – Лучше бы скрипели.

Степанов смотрел на собеседника затаив дыхание. Ждал продолжения столь неожиданного разговора. Он почувствовал вдруг, что настает время и ему принять участие в большом деле. Именно этого он и желал с того момента, как осознал всю степень опасности, грозящей стране.

– На чем я остановился? – спросил Немезов.

– Я говорил вам, что президент СССР имеет большой авторитет в мире.

Демонстрируя солдатское равнодушие и тугодумство, когда того требовала обстановка, генерал Степанов был на самом деле далеко не прост – сказались годы работы в высших сферах военного ведомства. Как опытный аппаратчик, он сейчас хорошо понимал, что первым грань дозволенного в разговоре должен перейти не он.

– Верно, – кивнул Немезов. – А я потом сказал, что он один у них такой, Горбачев, и если, не дай-то бог, конечно, с ним что случится...

– А что с ним может случиться? Он здоров, в отпуске уже третью неделю... Сил набирается.

– Вот и я говорю: это маловероятно. Но тем не менее, если с ним что случится, Западу придется договариваться уже с кем-то другим.

– Например, с Ельциным?

– Да вы что, Андрей Васильевич! – Немезов засмеялся, подошел к столу, разлил коньяк по рюмкам. – Коньячок отменный, причем, заметьте, не армянский, а московского завода. Будем здоровы?

– Будем, – Степанов пригубил коньяк.

– Ельцин, Андрей Васильевич, – продолжал Немезов, – тема отдельная, ею занимаются. – Он чуть заметно поморщился.

Степанов понял: занимаются не так эффективно, как хотелось бы. Ему очень захотелось поинтересоваться подробностями истории падения Ельцина с моста. Не чекистов ли рук дело? Что это было? Неудавшаяся попытка покушения, ставшая следствием недооценки физической силы уральского мужика? Случай по пьяной лавочке? Предостережение? Он, конечно, не стал ничего спрашивать.

– Да, – протянул Немезов, – Ельцин. Его легитимность под большим вопросом и, поверьте, не только по эту сторону границы. К тому же в народе говорят, он этим делом сильно увлекается, – чекист кивнул на бутылку с коньяком. – А рядом с ним всегда есть наши люди, кому не лень его в любой момент поддержать, поднести рюмочку, да самим выпить за компанию.

– Все так, Владимир Иванович. Но у нас на Руси и за человека не считают того, кто водочкой не балуется.

– Одно дело, товарищ Степанов, баловаться, и совсем другое – пьянствовать. Если представить себе невозможное, например что Ельцин придет к власти в стране, нетрудно предположить: не пройдет и года, как он эту страну просто-напросто пропьет. Михал Сергеич покажется собирателем земли Русской на фоне катастрофы, которая может произойти. Но по мне лучше, если будущее государства не будет связано ни с тем ни с другим именем.

В помещении повисла тишина, будто вдруг лопнула нить, струна разговора. Степанов мысленно выругался и мысленно же плюнул, подумав: будь что будет.

– А с чьим именем? – задал первый смелый вопрос Андрей Васильевич.

Немезов пристально поглядел на него, нарочито раскованно, и громко расхохотался.

– Наконец-то. А то я подумал, грешным делом, не получится у нас разговора, генерал. С чьим именем, спрашиваете? А вот, к примеру, Янаев чем вам не по душе?

– Отчего же не по душе... – задумчиво произнес Степанов. – По душе. Но...

«Нет, не готов я к откровенному разговору с Немезовым. Не готов...» – подумал он.

– Но только в качестве переходной фигуры? Вы это хотели сказать? – подхватил чекист.

Степанову, чтобы машинально не кивнуть в ответ, пришлось сделать над собой усилие. Его мимолетная нерешительность не ускользнула от хитреца Немезова.

– Правильно, – он взял рюмку и прихватил две лимонные дольки. – Гена, конечно, мужик неплохой, но не лидер. Явного лидера нет. Он появится, безусловно, но ждать больше никак нельзя. И здоровые силы в партии и правительстве это, слава богу, понимают. Отсюда – идея с комитетом по чрезвычайному положению. Она поддерживается практически всеми руководителями на местах, да и в Верховном Совете тоже. Давайте, Андрей Васильевич, перейдем к главному, то есть к вашей работе. Горбачев Михаил Сергеевич... – Немезов, казалось, тщательно искал правильные слова. – По нашим данным, президент СССР может быть в любой момент, даже сегодня, физически устранен при активном участии ближайшего ельцинского

окружения. Конкретно: господ Бурбулиса и Илюшина. Они, как и Яковлев, могут быть агентами влияния, завербованными американскими спецслужбами еще на заре перестройки. Товарищ генерал, чему вы удивляетесь?

– Я не удивляюсь, – возразил Степанов. – Я своим солдатским умишком думаю просто, что изоляция президента на даче в Крыму под надежной охраной той же «девятки» – лучший способ защитить его от покушения. Вы не находите?

– Нет, не нахожу, – строго отчеканил Немезов. – Скорее, наоборот, там-то проще всего...

Воцарилось молчание. Степанову даже показалось, Немезов сейчас свернет беседу: сведет все к шутке – хотя какие могут быть шутки на подобные темы? Или скажет, будто проверял на вшивость.

– Итак, – как ни в чем не бывало продолжил Немезов, – одновременно планируются покушения на других видных деятелей партии и государства, в том числе на председателя Комитета государственной безопасности. Ваша задача как руководителя соответствующей службы – не допустить этого ни при каких обстоятельствах, защитить Горбачева любой ценой. Скажу сразу: задача не из легких. Учитывая нынешнюю обстановку, возможно проникновение преступников в ряды сотрудников охраны первых лиц...

– Потому вы и поручаете эту задачу нам, людям, обученным решать совсем другие вопросы, а не сотрудникам вашего ведомства? – генерал почувствовал холодный пот на лбу.

– Именно, – бесстрастно подтвердил Немезов.

– А что, если мы не справимся?

– Что ж, такое возможно, – Немезов вновь принялся буравить Степанова взглядом. – Учитывая, насколько серьезно заговорщики, эти подонки, готовят свое преступление. Знаю, вы будете стараться. Но коль скоро подобные задачи, как вы сами подтверждаете, не входят в сферу вашей ответственности, так сказать, официально, вы можете быть спокойны.

– И все мои люди могут быть спокойны?

– И все ваши люди. Боюсь, уже слишком поздно, а потому моя просьба – это скорее жест отчаяния. Надежды на успех практически нет. Все необходимые вводные получите прямо сейчас... А за людей не беспокойтесь: слово офицера, слово чекиста.

Генерал Степанов слегка повел бровью, взгляделся в непроницаемое лицо Немезова. Понял, что тот совершенно серьезен. И даже верит в то, что говорит.

– Последнее... – сказал Немезов, провожая генерала до дверей. – Заговорщики могут оставить затею, если наше выступление окажется успешным. К чему ликвидировать ферзя, превратившегося в пешку, верно? Но вы все равно не расслабляйтесь. Ведь бывает, что и бывшим ферзям мстят. А месть сладостна.

– Один вопрос... – задумчиво проговорил Степанов.

– Пожалуйста.

– Возможно оперативно консультироваться с председателем через вас? Сообщать обстановку, координировать?

– Не думаю, что это поможет делу, товарищ генерал. Будут вопросы – звоните мне. А лучше приезжайте. В любое время.

* * *

Немезов вернулся домой за полночь. Младшая спала, старшего отправили в «Артек». Так совпало, что проводили его как раз четвертого августа, в день отъезда товарища Горбачева на отдых в Форос. Жена на кухне перелистывала очередной роман Мориса Дрюона.

– Привет, – поздоровалась супруга. – А вот скажи мне пожалуйста, ты достать собрание сочинений Жюль Верна и Дюма можешь? Только мне нужно хорошее издание, качественное, а то вот Дрюон уже все страницы потерял...

– Ну не знаю, – Немезов рассеянно пожал плечами. – Попробую. Надо спросить у ребят, что там у нас с книжными заказами. Как мелкая?

– А что мелкая? Хулиганила весь день. Я с ней умаялась. И вроде спать надо, а не спится. Покушаешь?

– Не хочу, на работе перекусил.

– Всухомятку опять, да еще и коньяком, по-моему, от тебя немного... Эх, Вова, совсем не слушаешься, себя не бережешь и о нас не думаешь. Ну-ка, наклонись. Все-таки я права – пил? Да не надо, я ж чувствую... Сашка так из лагеря ни разу не позвонил. Хоть бы ты с ним поговорил, а?

– Поговорю, поговорю, Галь, обещаю.

– Знаешь, что еще болтают про нашего-то?

– Ну что? И кто?

– Веркин Андрюшка матери рассказывал, как они с Сашей слушали «Голоса», а их за это вызывали на проработку...

– И что?

– Как что? Он чей сын?

– Брось, пустое. Восемьдесят, а то и все девяносто процентов студентов слушают эти станции. С этим уже ничего не поделаешь. Статистика Академии наук СССР.

– Ну не знаю. Тебе, конечно, видней. Все равно поговори. Уж если тебя не послушается, тогда... На работе все нормально?

– Нормально. Все по-прежнему. С Сашкой надо что-то делать, права ты. Какой-то он растет... не такой.

– Вот что, Вова, надо нам к нему съездить, проведать, как считаешь? Хорошо бы прямо завтра. И можно Наде позвонить: может, она тоже поедет?

Галина Немезова наконец оторвалась от книги и посмотрела на мужа. Всплеснула руками, отчетливо понимая вдруг, как он постарел.

«Господи, стряслось что? Проклятая работа!»

– Володя, что-то случилось?

Немезов спокойно и ласково взглянул на жену, тихо, почти шепотом произнес:

– Перестань... Все нормально. Шеф собирал сегодня всех, обсуждали вопросы. А к Сашке надо бы съездить, ты права. Только завтра не получится.

Улегшись в постель, Немезов не стал выключать ночник, украдкой проверил, спит ли любимая супруга, единственный, самый близкий на всем белом свете человек... На столике у кровати лежали книги, журналы, тетрадки. Он вытащил из стопки книжку в коричневом переплете: «Словарь греческих и римских древностей».

Память Немезова отчетливо зафиксировала момент, когда он купил этот справочник. Вчера, по дороге в Кремль, попросил водителя заехать в Дом книги на улице Горького. Там среди прочего ему приглянулся этот словарь. Он подумал тогда, что подсунет книгу сыну Сашке, авось заинтересуется. Тот вроде как собирался следующим летом поступать на филфак МГУ. Пусть прочтет, подпитается терминологией, вдохновится доступным описанием истории.

Владимир Иванович открыл книгу, пролистал несколько страниц. «Легат», «Галлия», «Легион „Хохлатый жаворонок“»... Он усмехнулся. «Диктатор»...

«Диктатор: чрезвычайное должностное лицо в Риме... При образовании Римской республики управление государством было поручено двум консулам, чтобы граждане были надежно защищены от возможности установления тирании. Однако скоро стало ясно, что при определенных обстоятельствах ради безопасности государства управление должно находиться в одних руках,

у человека, который в течение некоторого времени обладает неограниченной властью и решения которого не могут быть обжалованы ни в одном органе...»

«...Провозглашение диктатора консулом являлось обязательным во всех случаях. Оно всегда осуществлялось без свидетелей, между полночью и рассветом, с совершением ауспий – *surgens или oriens nocte silentio dictatorem dicebat*».

Немезов поморщился. По его мнению, латынь только перегружала повествование и не способствовала получению удовольствия от прочтения.

«Ладно, – подумал он, – что там дальше про диктаторов пишут, интересно?»

«...Назначение диктатора являлось исключительной мерой, ибо это нарушало основное правило Римского государства: одному человеку не должно принадлежать слишком много власти. Поэтому предполагалось, что диктатор по рекомендации сената самостоятельно сложит с себя чрезвычайные полномочия, лишь только отпадет необходимость».

– Ага, конечно. А как потом у него эту власть забирать? С помощью ножей и яда? Кто же добровольно отдаст? Не было такого отродясь на Руси. Да и незачем нам эта буржуазная глупость. Нельзя. Правильно говорит шеф: коллегиальное управление на переходном этапе. А жизнь уже подскажет, выдвинется из рядов... человек достойный.

Немезов захлопнул книгу, принялся листать «Огонек», но, даже не успев возмутиться очередным клеветническим измышлением в адрес прошлого страны, стал клевать носом. Он выключил лампу, подумал о сыне: «Что же вырастет из парня? Как же мы-то жили без всего этого? Без „Битлов“ волосатых, негров этих – „Бони немов“, без чертей разных с „Марионетками“ какими-то. Беда... Как это вообще можно слушать? Прав шеф: промедление смерти подобно. Действовать надо. Не ради себя, а ради детей».

С этой мыслью Немезов наконец уснул. Но то и дело просыпался и лежал с открытыми глазами, силясь истолковать абсурдные сюжеты тревожных сновидений.

Глава третья

Середина восьмидесятых

«Лошади умеют тоже плавать, но не хорошо, не далеко... Глория по-русски значит слава...»

Гулким эхом раскатывалась по перелеску жалостливая песня под гитарный аккомпанемент. Исполнитель, похоже, был нетрезв, однако в голосе и при слухе. Нарушая земные физические законы, звуки фантастическим образом смешивались с запахом дыма и чего-то вкусного и долетали до палаточного лагеря от костра, разведенного у реки еще днем, в составе единого и неделимого аромата летнего вечера в Подмосковье.

«Как дальше жить после невероятного числа впитанных душой и телом откровений?! Как возвращаться в пахнувший „семьдесят вторым“ бензином мир: туда, к автобусной толчее и очередям за выброшенным на народные прилавки финским сервелатом, мусорным бакам в подъездах и высоковольтным проводам, узурпировавшим законные пейзажи больших и малых городов страны? Уезжать отсюда, где деревья и примятая к земле густая трава, картошка в мундире и перепачканные золой губы любимой девочки?! И, уезжая, бросать первые и последнее в жизни сны наяву и общество, где каждый первый твой друг и брат? Ни за что».

Такие мысли роились в Пашкиной голове, когда он, откинув полог палатки, вступил в предрассветную темень подмосковного леса. Рассеянно поискав спрятавшийся ботинок, он застыл, стараясь продлить миг наслаждения красотой природы, которую в полной мере дано ощутить на контрасте только обитателям городов.

С приближением утра становилось зябко, но все равно было комфортно. Опять же, испугавшись похолодания, попряталось злое комарье, и голова перестала пульсировать от выпитой накануне «шипучки».

«Водки бы...» – подумалось Пашке, когда он все же нащупал в траве обувь.

Не то что бы хотелось выпить, но для куража и поддержания компании следовало выступить по-взрослому. Компания уже провела на Оке двое суток, народ привык к свободе, а организм начал воспринимать спиртное как обычную воду. Только вдохновение прибавлялось от часа к часу, да и певец у костра пел все громче и с большей самоотдачей.

Они приезжали сюда по выходным, и их времяпрепровождение предсказуемостью действий и последствий было сродни священному обряду древних греков или римлян или скорее даже более дикой островной цивилизации. Собирались, закупались, ехали на автобусе и электричке к месту дислокации, ставили палатки, разводили костры, выпивали, что-то готовили, пели песни, мечтали, водили девчонок глядеть на звездное небо.

В палатке произошло шевеление, и кто-то позвал Пашку утрированно домашним тоном: – Милый...

Вместо ответа на столь интимное и не совсем уместное обращение к своей персоне Пашка громким и хорошо поставленным голосом сделал заявление:

– Все, остаюсь тут, буду жить в лесу как партизан.

Тотчас на свет выкатилось черноволосое создание, облаченное в белого цвета толстовку и вареные джинсы, – сокурсница по МГУ Катерина.

– Остаешься в лесу? – переспросила она. – Будешь ждать, когда вернутся немцы, или сразу начнешь мосты взрывать?

– Доброе утро, барыня, – Пашка галантно помог Катерине выбраться из палатки. – Хорошо ли почивать изволили?

– Какая такая барыня? Бери выше – королева! – улыбнулась девушка.

– Я не против: будешь сегодня моей королевой.

– Сейчас, только марафет наведу. Где моя «Пупа»?

– Твоя кто?

– Мужчина, занимайтесь своими делами, дайте даме подготовиться к выходу...

С ней он провел предыдущий вечер и половину нынешней ночи. Однако ничего такого между ними не было. Обнимались, целовались да и уснули потом, поскольку оба выпили накануне прилично. Впрочем, взасос действительно нацеловались от души, прямо как дети, но так, что у Пашки в какой-то момент свело скулы. Однако он все равно ощущал себя существенно лучше, чем в самом начале их поездки, когда, казалось, шансы равны нулю.

Между тем Катерина преданно и неожиданно по-хозяйски прислонила голову к его груди и обняла за шею.

«В крови это у них, что ли, у всех, сразу вот так хомутать парней», – размышлял Пашка.

Но от нее так сладко пахло утром и духами, что он готов был капитулировать безоговорочно, без аннексий и контрибуций.

«Жениться на тебе, что ли?» – подумал он и тут же прогнал эту вредную мысль, столь дерзко нарушившую границу свободолобивога «я».

– А ты клевый чувак, Павел, – подала голос Катерина. – Я бы тебя на себе женила.

Пашка вздрогнул.

– Не бойся, – она засмеялась. – Пошутила. К тому же ты разговариваешь много, а мало делаешь... Ничего, это можно исправить.

– А у тебя выйдет? – поинтересовался Пашка с улыбкой.

– До сих пор не жаловались.

– Че, много было других? – с натянутой улыбкой спросил он, не пытаясь скрыть раздражение столь неуместной в данных романтических обстоятельствах откровенностью.

– Тоже мне вопросик! Можно подумать, ты девственник. Целуешься как зверь. Где так навострился?

Пашка сделал вид, будто прислушивается к песне у костра...

*Выткался на озере алый цвет зари,
На бору со звонами плачут глухари...*

На самом деле он устыдился совсем уж мальчишеской гордости, невольной охватившей его. Сплошные американские горки – вот что такое общение с этими девушками.

– Паша! Катя! – послышался голос Лешки с параллельного потока.

– Мы тут! – отозвалась Катя и отчего-то сильнее прижалась к Пашке.

– Ага! Вот вы где, голубчики! – Лешка вырос будто из-под земли, в дурацкой шляпе с красным кантом, привезенной родственником из Венеции. Из-под шляпы торчали светлые кудри – вечный повод для придинок преподавателей с военной кафедры.

– Чего вы тут застряли? Побежали к костру, там «Пинк Флойд» дают!

– Чего? – уставился на него Паша.

– По приемнику «Пинков» крутят, – пояснил Леша. – Ну, пошли скорей!

– По «Голосу»?

– Хватит вопросов, голубок. По нашему, по нашему приемнику!

Они поспешили на звуки популярной, ранее запрещенной песни.

Собравшиеся у костра сидели и молча слушали, уставившись на «ВЭФ», будто это не транзистор, а телевизор или даже сцена, на которой выступают великие и недоступные музыканты.

Голос диктора вывел всех из оцепенения:

– Прозвучала песня из альбома «Темная сторона Луны» в исполнении ансамбля «Пинк Флойд» из Великобритании. Творчество этого коллектива пронизано острой социальной тематикой...

В костре трещали горящие ветки, кто-то громко расхохотался внизу по реке, и эхо растиражировало этот хохот по лесу. Тут же несмело запел соловей. Потом, где-то вдалеке, еще один – и наконец мир ожил и защебетал, застрекотал, проснулся. Наступал новый день.

Лешка, склонный поэтизировать жизнь в любой мало-мальски подходящей ситуации, так и сказал:

– Наступает новый день новой эры, ребята. Я вам точно говорю. Все, что происходит, абсолютно неслучайно.

– Да уж... – протянул парень, всю ночь напролет развлекавший компанию пением и игрой на гитаре, и, забренчав по струнам, симпатичным баритоном затянул:

«Заходите к нам на огонек!» – Пела скрипка ласково и так нежно. В этот вечер я так одинок...

– Погоди-ка, – прервал процесс творческой самореализации Пашка. – Это что получается, «процесс пошел»?

– Знаете, гласность в действии, хотя кое-кто все еще думает, что здесь вам не тут, – подражая Горбачеву, констатировал Леша и потянулся за банкой кабачковой икры. – Е-мое! Кто икру сожрал?

Священный обряд в лесу был нарушен, казалось, вполне ординарным событием – музыкой, прозвучавшей на радио. Все уже привыкли к разговорам о перестройке, к гласности, то есть к тому, что стало безопасно говорить правду... о прошлом страны. Но «Пинки» по советскому радио – это было слишком. Это уже был знак!

Вдруг на опушке леса нарисовались несколько крепко сложенных парней. Пашке стало не по себе. Неприятный холодок пробежал по спине. Он сразу понял: драки не миновать. А дома, между прочим, лежит повестка на завтра: «Явиться в районный военный комиссариат...»

Пашка с недавних пор перестал бояться драк, поскольку его неумность и склонность к приключениям помогли набраться соответствующего опыта. Последний эпизод случился на танцах (на танцах всегда дрались) в поселке неподалеку от Волхова. Туда его занесла нелегкая, а точнее, мимолетное амурное увлечение по имени Лена. Он влюбился так, что очертя голову бросился в омут – отправился за ней в ее родные края, прогуляв учебу и забросив думы о собственном предназначении.

Родина возлюбленной встретила Пашку плохо. Уже на вокзале ему пообещали навалить, если «не отвяжется от Ленки Лавровой». Кстати, фамилию ее смелый любовник-путешественник узнал только от местных пацанов. Они между тем пугали также скорым возвращением ее дыхателя из армии и соответствующими последствиями для городского белоручки. Испугавшись недружелюбия земляков, Лена поспешила объявить Пашку своим столичным братом, что ненадолго охладило страсти. Однако подвохи и засады теперь мерещились Пашке повсюду, он не мог сконцентрироваться на романтических чувствах.

Вдобавок ко всему отвязная девчонка Лена возжелала посетить местную дискотеку. Нехорошее предчувствие мучило Пашку еще на подходе к колоннаде, украшающей клуб – окутанную винными парами территорию музыки, страстей и всяческих опасностей. Выйдя на танцпол, Пашка с ходу получил от кого-то в челюсть, увернулся от второго удара и сразу позорно ретировался. А драка пошла своим чередом и без него.

На улице Пашка наткнулся на парня, который вместе с Ленкой приходил встречать его на станцию. Парень повел себя по-товарищески: задушевный разговор плавно перешел в распитие бутылочки дефицитного «Алиготе», потом еще пили какую-то несусветную гадость из двухлитровой банки, сидя на крутом утесе.

Бесконечная красота звездного неба отражалась в неспешных водах реки... Пашка расслабился и поведал новому другу всю правду... Признался, что никакой он Ленке не брат, а самый что ни на есть ухажер, и даже признался, что, скорее всего, любит ее и подумывает увезти в Москву. Еще зачем-то соврал, что у него квартира на улице Горького, в доме, где живет Пугачева, и что он собственными глазами видел, как певица выносила на улицу мусорное ведро, доверху заполненное пустыми пивными банками, которые в Союзе и без пива высоко ценились в качестве предметов интерьера, так что выбрасывать их было не принято.

История про певицу и пивные банки нового приятеля и собутыльника Павла нисколько не тронула – он ее будто и не услышал. Не оценив откровенности, тут же попытался собственными силами отомстить москвичу за коварство и ложь, но один справиться с ним не смог и, извергая угрозы и утирая кровь из разбитого носа, помчался за подмогой.

Недолго думая, Пашка поспешил на станцию, попутно проклиная организаторов строительного отряда «Астрахань-1985», свою наивность, а также лень, помешавшую завершить обучение в секции «Самбо-70».

Бежал он очень быстро, поскольку отдавал себе отчет в реальности печальных последствий для своего здоровья и даже жизни от возможной встречи с местными ребятами.

Он уже никогда не забудет, как за фиктивным «братом Ленки» гнались ее пьяные и на удивление резвые женихи, как он на ходу запрыгивал в уходящий в неизвестность поезд и как проводница настойчиво пыталась сбросить его с подножки в лапы врагу. Она так вдохновенно отдавалась этому процессу, что поцарапала ему плечо и оторвала две пуговицы от рубашки. А с платформы в него летели камни и еще какие-то тяжелые и опасные отходы социалистического производства.

Он не забудет, как, отдышавшись, не нашел ничего лучше, как поделиться своей драмой с проводницей. За это неожиданно для себя снискал ее полное доверие, уважение, пластырь на раненое плечо, горячий чай и шоколадку. В итоге, назвав Ленку дурой, проводница прозрачно намекнула на готовность пожалеть его, несчастного, по крайней мере на одну ночь, пока поезд не прибудет в столицу.

В принципе Пашка был готов на многое после пережитой опасности, но им помешал зашедший на огонек начальник поезда.

Отгнав воспоминания, Пашка вернулся в реальность, где ему и его товарищам противостояли превосходящие силы потенциального противника.

– Здорово, ребята и девчата, – пробасил крепко сбитый субъект с низким лбом и густыми, как у Брежнева, бровями. – Присоседиться можно?

– Располагайтесь! – ни с того ни с сего весело произнесла Катерина.

Деревенские по-хозяйски расположились у костра. Они явно чувствовали свое превосходство и готовы были в любую секунду воспользоваться им.

– Выпить есть что? – спросил бугай с грубым лицом кельтского наемника.

– А вы что, в гости без выпивки ходите? – съязвил Лешка.

«Все, сейчас начнется, – подумал Пашка. – Леха, Леха, чего ты все время на рожон лезешь?»

– Это кто у нас тут такой борзый? – ухмыльнулся бугай.

– Да ладно вам, ребята, хватит, – примирительно произнесла Каткина подружка, которую та пригласила на мероприятие, чтобы сравнить количество девочек и мальчиков в компании. – Вот, пейте, пожалуйста. – Она протянула деревенским остатки «Кубанской».

– А че так мало? – скривил губы «кельт». – Хотя ладно, хрен с вами, потому как дареному коню в жопу не смотрят.

Деревенские засмеялись.

– Кто у вас на гитаре играет? – поинтересовался парень с густыми бровями.

Пашка предположил, что густобровый в компании местных старший, потому как вел себя уверенней остальных, первым заговорил да и место у костра занял самое лучшее, на бревне, на оптимальном расстоянии от огня...

– Ну я играю, а что такого? – угрюмо отозвался гитарист.

– Зовут как?

– Ну Ваня.

– Не нукай, не запряг. Дай поиграть.

– Ну на...

Ваня протянул местному гитару. Тот, неловко обхватив гриф, задрезжал струнами и фальшивым голосом затянул:

– Снег кружится, летает, летает... И, блин, чем-то там кружа, замедляет зима, замедляет, все, что было до тебя-а-а-!!! Гитара у тебя хреновая, не строит. – Он с размаху саданул инструмент о ствол дерева. Гитара застонала в последний в своей жизни раз, и сломанный гриф повис на струнах.

Все тут же вскочили со своих мест.

– Ой, мамочки, что-то сейчас будет, – пробормотала Катерина, закрыв лицо руками.

– Ты что, с ума сошел? – прошипел Ваня бугаю.

– Чего ты там буробишь, плесень?! Кто с ума сошел? Я с ума сошел? Че, жить надоело, боец? – Бугай надвинулся на Ваню.

Пашка с грустью осознал, что их сейчас нещадно побьют. Городских у костра было семеро, парней из них всего четверо. Ваня-гитарист появился вечером неведь откуда да так и остался в их компании песни петь. Будет он драться или нет – непонятно...

Самое гадкое – их отметелят на глазах у девушек. Пашка вспомнил, как Катерина шептала ему в ночи: «Ты такой мускулистый... Мужчина...»

«Да уж, мужчина... Хожу в штанах, курю, целоваться научился, а больше... никакого толку».

Пашке аж до тоски не хотелось в очередной раз опозориться, упасть в своих собственных глазах.

Он вспомнил, как много лет назад, еще в школе, играя с другом в мушкетеров, они, вооружившись самодельными шпагами, пришли на школьное футбольное поле пофехтовать. Как раз на пике дуэльной доблести нагрянули по их душу ребята из соседнего, враждебного, микрорайона. Пашка с другом, прихватив шпаги, пустились наутек. Отдыхались только в Пашкиной квартире. Поначалу отводили друг от друга глаза, и, не переведи они в тот вечер все в шутку, неизвестно, чем бы в итоге обернулось позорное бегство для их дружбы. С тех самых пор Пашка дал себе зарок не идти на поводу у собственных страхов, когда есть однозначный выбор, – так стыдно было ему за свою трусость в тот злополучный вечер. И теперь здесь, на берегу русской реки Оки, в лесу, он понял, что выхода нет. Выбор очевиден, поскольку нерешительность может быть смерти подобна.

– Погоди-ка, – он обратился к зачинщику ссоры. – Можно ведь поговорить...

Бугай, казалось, удивился:

– Ого! Кто это тут хочет поговорить? Ну иди сюда, я сейчас...

Закончить фразу ему не пришлось. Сжав кулак, Пашка что есть мочи ударил деревенского. Тот не устоял и рухнул в костер. Куртка его тут же вспыхнула. Деревенские, вместо того чтобы броситься на помощь товарищу, дружно отскочили в сторону. Уже не соображая, что делает, Пашка нанес лежащему противнику два мощных удара ногой в область живота, одновременно вытолкнув его из костра. Тот изловчился и ударил Пашку ногой. Удар пришелся в глаз.

– Ага, тебе мало! – прошипел Пашка, тяжело дыша. – Ну тогда – на! – Он врезал противнику в ухо.

Рука заныла от боли, стало жарко, пот заструился под свитером. Страх и нерешительность прошли. Пашка обернулся и двинул в сторону очередного соперника.

– Товарищи колхозники, уходите, он большой на всю голову, – предупредил деревенских Лешка, и все увидели, что и сам он держит в руке внушительных размеров дрын. В голосе его чувствовалось волнение, но полет фантазии остановить было уже невозможно. – Его под Кандагаром контузило. Он не уймется, дурак, пока кого-нибудь не убьет. Так было в Крыму в прошлом году. Собрались мы, это, на дискотеку...

Но уже некому было слушать Лешкины придумки. Деревенских след простыл. Чудесным образом исчез, испарился просто, единственный пострадавший – главарь.

– Да... – протянул Лешка. – Жалко-то как.

– Чего? – дрожащим голосом поинтересовалась одна из девчонок.

– Не вышло смычки между городом и деревней...

Пашка огляделся. Хотелось увидеть Катерину, услышать от нее правильные, соответствующие героическому пафосу ситуации слова. Еще захотелось выпить. И умыться. Опять же болела рука и ныл глаз.

– Пашка! Это было нечто! – Лешка и остальные ребята бросились к другу, обнимая и хлопая по плечу. – Д'Артаньян ты наш, Атос с Портосом, Сирано де Бержерак, Брюс Ли и все остальные в одном лице!

Подошла Катя. Пашка победно улыбался, глядя на нее.

– Идиот! – неожиданно произнесла она и, круто развернувшись, зашагала к палатке.

– Вещички пошла собирать?! – бросил ей вслед Лешка. – Давай, вали к своим деревенским.

– Леха, хорош, не надо, – Пашка потрогал глаз. – Блин, синяк будет, а мне ж завтра в военкомат идти...

* * *

В военкомате разговор был недолгий.

– О! Мой кадр! – радостно воскликнул офицер, лишь только Пашка, украшенный синяком под глазом, переступил порог кабинета. – Пойдешь в Воздушно-десантные войска. Можешь вопрос считать решенным. Тем более служить тебе в командном составе, не дрейфь. Кругом!

Когда Пашка вышел из кабинета, второй обитатель комнаты, в гражданской одежде, произнес:

– погоди, Коля, есть у нас для этого парнишки получше применение... Пусть доучится, а там посмотрим. Кадр растет крутой не по годам. Есть характер.

– Ну, следовательно, если есть характер, тогда точно мой кадр.

– Говорю тебе, погоди. У него вместе с характером еще и интеллект развит не по годам. За ним мы давно уже... в общем, наблюдаем. Такого жалко брить в афганскую команду...

– А ты думаешь, туда одни дураки попадают?

– А что, только умные и бластные?

– Тогда не о чем мне с тобой говорить.

После визита в военкомат Пашка решил посидеть в скверике у Пионерских прудов с закадычным другом Лешкой. Тот смотался до обеда в винный магазин в Столешников переулок, не без труда протиснулся без очереди к прилавку с очень злой продавщицей и купил за шесть с лишним рублей «шипучки» – бутылку газированной жидкости под названием «Салют». И теперь они с удовольствием уговаривали ее теплой за разговорами о собственном будущем.

– Вот загребут меня в армию, Леха, вернусь я в институт дебил дебилком... Впрочем, может, оно и к лучшему.

– Конечно, к лучшему. Ты же у нас воин.

– Да ладно... Хочется, Леха, чего-то, а сам не знаю кого... Друзья рассмеялись.

– Катя не звонила? – осторожно поинтересовался Леша.

– Нет, – Пашка вздохнул. – О женщины, вы губите нас, мужчин, своей жеманностью! Или это кокетство называется?

– Не знаю, – Лешка задумался. – Дуры?

– Знаю же, хочет позвонить, а не звонит, – продолжал Пашка. – Вот к чему им надо так себя вести, ты хоть что-нибудь в этом понимаешь?

– Ну... девчонки ведь, – развел руками Алексей.

– Спасибо, Лешка, теперь все понятно.

– Да ладно, чего ты? Может, у вас будет теперь платоническая любовь. На расстоянии. Хотя это – извращение.

– Нет, – ответил он, помолчав. – Не бывает платонической или плотской любви. Бывает просто любовь и плотская радость общения, сходная с дружбой. Когда вот прямо физически трудно обходиться без другого человека. И все. У меня, честно говоря, такого пока не было, ты ведь знаешь.

Лешка развел руками.

– Паш, мне иногда кажется, ты никогда не повзрослеешь. Как же тебе будет трудно жить! Вот ты умней меня, эрудиция у тебя. Помнишь, когда Сталин родился и год восстания Спартака. А все равно я в жизни понимаю больше твоего. В житейском плане.

– Знаю. Это потому что у тебя ум крестьянский. И подход ко всему такой же. Уверен: вырастешь, обзаведешься дачкой, «запорожцем», цыплят станешь разводить...

Лешка в ответ только рукой махнул.

Посидели в тишине, полюбовались прудом. На противоположной стороне прогуливалась парочка влюбленных. Остановившись у скамейки, они долго целовались, не обращая внимания на прохожих.

– Я чего думаю... – Пашка вздохнул. – Скажи, а вот как все дальше повернется, Лешка? Куда жизнь нас забросит? Неужели быт засосет? И станем мы как... Ну вот, к примеру, как эти чуваки. – Пашка указал на двух мужичков, устроившихся на лавке неподалеку. Они склонились над шахматной доской и напряженно обдумывали очередные ходы. Под лавкой стояла начатая бутылка то ли портвейна, то ли бормотухи и два граненых стакана.

– Печальная картина, – пробормотал Алексей. – Ну, я думаю, как раз тебя быт не засосет. Да и меня вряд ли, несмотря на цыплят и курей. Кстати, ты меня уже заманал своими курями, не первый раз про это говоришь!

– Кто его знает... Ты погляди на них – вот это может быть нашим будущим. Сколько им сейчас? Лет по сорок-пятьдесят? Считай, жизнь кончилась. И все, что у них осталось, – эта лавка, портвешок да шахматы. Кошмар. Лучше сразу повеситься. И еще дома «ждет холодная постель...».

– А тебе чего надо в жизни? Ну, кроме Катерины твоей?

Пашка усмехнулся.

– Не знаю... Мир хочу посмотреть. В океане поплавать. Чтоб вода теплая и без медуз и отдых чтобы без закрытия пляжей и гребаного ротавируса... Хочу «Дип пепл» живьем послушать. Впрочем, это не обязательно, да и где их искать? Желая также купить себе много чего из одежды, двухкассетник новый, «Шарп – три семерки». К твоему сведению, у нас с Катькой пока ничего не было.

– Ну, парень, – весело проговорил Леша, – тогда дел у тебя непочатый край. А я вот институт закончу, обязательно пойду работать к отцу в КБ. Там у них зарплата реальная и сотрудничество с буржуями. В Венецию поеду. Шляпу себе новую куплю.

– У тебя же папа невыездной, значит, ты тоже не очень выездной. Какая на фиг Венеция?

– Ну и допустим... У нас страна большая. Я еще нигде не был, ни в Сибири, ни на Кавказе. В Прибалтике не был. «Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек!»

– Да, я тоже в Прибалтику хочу. Там, наверное, клево. Шпроты повсюду, жвачка «Калев». И бальзам рижский.

– Бальзам – плохо. От него башка трещит и качается потолок.

– Уж конечно! Это если лакать по-черному, как ты это любишь.

– А помнишь, как мы мечтали прокатиться по маршруту подвесок, от Парижа до порта Кале?

– Еще бы... Детство... Но детство ушло, Леха. Ты знаешь, как я себе представляю настоящую жизнь?

– Ну?

– Помнишь у Евсикова Толика видик смотрели? Там еще эта группа Duran Duran, где они на море, на яхте? Музыка, девчонки красивые и главное – добрые, ветер в волосах и свобода!!! Лешка! Ты был когда-нибудь по-настоящему свободным?

– Никогда.

Пашка вдруг отчетливо понял: это правда, ведь Лешка всегда был самим собой, а значит, свобода для него – вопрос давно решенный. Он заметно погрузнел, отвернулся и уставился в пруд.

– Другое дело, у меня этого уже никогда не будет... – пробормотал он.

– Как так?

Пашка помолчал, потом пробормотал задумчиво:

– Послушай, Леха, я тебе хотел рассказать... Хотя лучше потом.

– Да ладно, Паш, начал – говори уже.

– Не, не могу.

– Ну и черт с тобой. – Лешка махнул рукой. – Может, в «Яму» смотаемся?

– Неохота. Давай здесь еще посидим.

– Ладно... Слушай, а это... в клипе «Тен Шарп»... ты почему считаешь, что девчонки там добрые?

Вместо ответа Пашка вполне серьезно признался:

– Уехать отсюда хотел... Серьезно. Как Хосе. Помнишь, испанец учился у нас до девятого класса? Хосе Суарес Эстрада. Видишь, даже помню, как зовут. Интересно, как он сейчас?

– Как-как... На корриде сидит и испанское вино накатывает.

– Он жизнь видит, мир. Границ нет... Студенты там из страны в страну путешествуют автостопом, рюкзачок за спину – и поехали! А мы с тобой и до болгар до сих пор не доехали. А я хочу жить как нормальные люди.

– Я тебе так скажу: мне у нас нравится, – строго заметил Алексей. – И уезжать отсюда – это, знаешь, надо быть полным дебилом. Будешь рассказывать по «Голосу», как угнетали тебя, да? Про кухню шестиметровую? Как Солженицын?

– При чем тут Солженицын? Он великий писатель. Говорят...

– Видел по телевизору его интервью американцам. Он рассказывал, как не в кайф у нас жить, про ракетку еще самодельную нес какую-то чепуху.

– Разве это неправда?

– Неправда!

– Неправда?! – Пашке показалось, в голове начинается извержение вулкана, – так он возмутился Лешкиной упертости и тупости. – А то, что мы с тобой, московские студенты, сидим, блин, на лавке в сквере, пьем из горла... Между прочим, наблюдаем неподалеку отражение своего будущего. – Он кивнул на шахматистов, добирающих для счастья портвейн или бормотуху. – Трепотня наша только о том, как хорошо будет работать в КБ и неплохо бы смотаться в Прибалтику, – это нормально? Это в кайф?

– Не нервничай, чего раскричался? – в отличие от Пашки Леша был совершенно спокоен. Видать, таким образом на него действовал «Салют». – Хорошо там, где нас нет.

– Леха, ты на меня ругаешься, а сам одними штампами говоришь, – пробормотал успокоившийся Пашка. – И, боюсь, ими и думаешь. И наш образ жизни свинский защищаешь только из принципа. В общем, нет счастья в жизни, лучший друг и тот примитивный... Одно радует – Горбачев. По крайней мере, можно пока с отъездом повременить, побачить, вдруг будут перемены?

– Это ты зря. Ничего особенно не изменится. Было уже при кукурузнике Никите. Только в обратку отыграли. Потому что другого нет у нас пути. Мы особенная страна. В руках у нас винтовка... Так что не будет никаких перемен. Только поскорей бы уж определились и дали знак, что, дескать, все, братцы, игра в демократию заканчивается. По мне, так было бы спокойней, и о будущем подумать можно. Кому-то просто надо показать всем за границей, что у нас тут теперь свобода, равенство и братство, а на самом деле все будет по-старому, вот увидишь.

– А «Пинк Флойд» по «Маяку»? А газеты? Станкевич? Коротич? Яковлев? «Огонек»? Нет, брат, все изменится. Будет новая страна. Соединенные Штаты Советского Союза. За это я голосую и потому остаюсь.

– Не пил бы ты больше, Пашка, – с печалью в голосе посоветовал Лешка. – Глупым делаешься. – Он мечтательно взглянул на пруд. – Вообще-то, все неважно. Но мне понравилось, как ты это сказал...

– Ну наконец-то! Я тебе точно говорю: будут Соединенные Штаты СССР или нечто похожее...

– Да ну нет! Ну их к черту, эти твои Штаты! Про ветер в волосах и свободу мне запало в душу. Клево. Реально клево. Жить хочется, брат.

Глава четвертая

Семенов

Когда-то Павел Семенов был простым советским студентом со среднестатистическими комплексами и мечтами, несколько выходящими за рамки коллективного разума исторической общности, проживающей на одной шестой части суши.

Неизвестно отчего, воспитанный при тотальном дефиците и однообразии рациона, он любил вкусно, разнообразно и красиво поесть. Безусловно, любить можно было что угодно и кого угодно, хотя бы Анджелу Дэвис, на фоне призывов об освобождении которой прошло его детство, – толку-то что? Он мечтал когда-нибудь прикинуться так, что даже самая неприступная дама не смогла бы устоять перед его великолепием. Для начала ему абсолютно необходимо было приобрести собственные белые кроссовки «Пума» на липах, чтобы они ярким пятном подчеркивали его индивидуальность на танцполе любой московской или ленинградской дискотеки. Пока что он делил кроссовки с соседом, который был щедр, но педантичен, поскольку разработал четкий график носки этой модной и универсальной обуви.

Павлу все еще нравилась бывшая одноклассница Алла, с которой он провел ночь в квартире друга-старшеклассника Вити Приворотского, когда того шумно провожали в армию. После этой ночи, однако, он очень продолжительное время комплексовал, ведь впечатления от первой в его жизни романтической встречи совсем не были похожи на кадры из кинокартины «Эммануэль».

Но больше всего на свете Павел Семенов мечтал объехать весь мир, посетить дальние страны, Карибские острова и непременно Таити с Рио-де-Жанейро. Он жаждал попробовать на вкус океанскую волну, выпить ямайского рома, которым «пахнут сумерки». И вообще, лично удостовериться в том, что где-то сумерки взаправду могут пахнуть именно ромом, а не помойкой во дворе или привычной сиренью в лучшем случае.

Мечты, мечты... Мечты потерянного поколения, обреченного жить с верой в идеалы в коммунистической стране. Причем не в эпоху безобидного самиздата, а в то время, когда вместе с проклятыми видеомагнитофонами, факсами и другой «контрреволюционной» техникой за полосатые столбы с гордой надписью «СССР» уже достаточно легко, никем не сдерживаемая, проникала ранящая дух информация о кайфовой жизни за кордоном.

Вредная информация накапливалась, обрастала подробностями и откровенной чепухой, в которую народ верил в сто раз охотней, чем в счастливое коммунистическое завтра. Прилюдно почти все клялись в убежденности в превосходстве нашего общественного строя над капиталистическим, повторяя на комсомольских и партийных собраниях магические заклинания партийных вождей. Но эти молитвы в идеологических храмах уже не могли противостоять плодам великой технологической революции. Сила веры в земных богов иссякала, и если учение Христа сумело-таки пережить многие сотни лет, то построенная на новой идеологии система отмечала лишь седьмой десяток и уже вовсю скрипела и дребезжала, как старая «Волга».

Павел, дитя своего времени, продолжал верить, зачастую повинуюсь привычке, и попутно развил в себе незаурядное умение мечтать.

Он мечтал, к примеру, о том, как однажды он отправится за границу на поезде. Чистое купе с умывальником, культурные соседи, и в вагоне не пахнет носками. Хотя на самолете все равно лучше. Говорят, на международных рейсах «Аэрофлота» тебе обязательно нальют коньячку, армянского пятизвездочного, и дадут закусить его черной икоркой.

«Эх... Почему исключительно ответственные работники уважаемых ведомств могут позволить себе такое счастье?! Ладно, пес с ней, с икоркой, да и коньячок что? Выпить можно и в колхозном сарае. А вот сесть на рейс „Аэрофлота“, отбывающий в Париж, – это что-то!»

Все заграничные поездки, от Болгарии до Франции, переходили от поколения к поколению блатных по наследству. Но случались исключения из правил, и тогда счастливики осваивали заветные маршруты, боясь спугнуть удачу, не сразу осознавая, за что партия и судьба преподнесли им такое неслыханное счастье.

Наивные не понимали: если судьба еще может быть изменчива и непостоянна, то уж партия себе такое позволить не вправе. Партия все делает по плану и с дальним прицелом.

Студент пятого курса МГУ Павел Семенов, как и все, усвоил, что право на свободу передвижения по миру в его стране – привилегия, мечта, которая может стать реальной, а может оказаться несбыточной. Почти всегда он оставался реалистом, не позволяя себе попусту фантазировать, но бывало, что после распитой с друзьями бутылочки «Массандры» на берегу Оки ему до одури хотелось однажды сесть в самолет и полететь на эти самые заветные Полинезийские острова или в Сан-Франциско!

Трезвому, ему достаточно было и Будапешта. Страна, конечно, социалистическая, но все равно интересно. Кстати, венгры делают автобусы «Икарусы», и получаются они во много раз лучше доморощенных ЛиАЗов. Хоть в них и теплей зимой, но даже не слишком крутые подъемы московских улиц они преодолевают с большим трудом. Глядишь, вот-вот покатятся вниз...

Опять же, банки с венгерскими помидорчиками при открывании не взрываются, как противопехотные мины. И овощи в них все одинаково вкусные, аккуратненькие, как на подбор. Значит, от капитализма венгры еще ушли не так далеко, как мы и монголы.

Но, как говаривали в советских дворах, мечтать не вредно. Надо было приспособливаться, зарабатывать соответствующую репутацию, чтобы твоя насквозь эгоистичная лояльность генеральной линии партии на людях превращалась в искреннюю убежденность, чтобы твоя персоне не вызвала сомнений у специальных общественных институтов: выездных комиссий, парткомов, райкомов и так далее, когда придет время решать, кого «туда» направить.

А вот с этим у Павла как раз наблюдались серьезные проблемы. Как человек достаточно начитанный, любознательный и, на беду свою, мыслящий логически, он задавал себе вопросы, уровень провокационности которых зашкаливал, выходя далеко за границы всего, чем мог в трезвом уме обременить свой мозг правильный советский студент.

Опасное политическое любопытство он начал демонстрировать еще в пионерском детстве, в те времена, когда над Л. И. Брежневым было не принято публично потешаться. Разумеется, находились люди, обманутые иллюзией снисходительности высшей власти по отношению к шалостям плебеев. Тем сильнее было их разочарование, когда в крошечные кухни, вопреки надеждам на авось, вступали тренированные парни из органов и забирали несчастных из невестелой жизни на свободе в еще более невеселое существование за решеткой.

Однажды Павел задал преподавателю политической экономии некорректный вопрос: почему при наличии в Советском Союзе однопартийной системы до сих пор проводятся выборы в высшие органы власти? Забавно, что поступок этот имел в основе своей несерьезные мотивы – вопрос был задан из вредности, без осознания возможных последствий.

«Потому что», – по-большевистски жестко отреагировал преподаватель и от дальнейшей дискуссии уклонился.

Вскоре у Павла начались неприятности. Доподлинно не известно, стали они следствием вольнодумства или причиной их возникновения послужила тривиальная драка после концерта группы «Машина времени» в подольском клубе, участником которой Павел стал поневоле. Так или иначе, в кандидаты в члены КПСС его не приняли, и на горизонте засветило «свободное» распределение из института.

Таким образом, в соответствии со спецификой времени, о хорошей карьере можно было забыть. И Павел покорно с ней распрощался. Благо, помимо дум о карьере, имелись теперь и другие, более важные заботы: вдруг стали очень сильно интересоваться девчонки. Причем практически все подряд. Пока не случилось одно из тех событий, которые в корне меняют судьбу человека. Солнечным воскресным утром его разбудил телефонный звонок... Разговор по телефону был короткий, странный и не совсем понятный.

Повесив трубку, Павел отправился на кухню приготовить себе завтрак. Холодильник «Север» проходил «техобслуживание» – размораживался. В других кухонных отсеках оказалось пусто, если не считать макарон в продолговатых красно-белых пачках. Кастрюль подходящего для их приготовления размера в Союзе было не сыскать, поэтому в процессе приготовления приходилось вручную подгонять постепенно разваривающиеся изделия под посуду.

Поддев вилкой крышку жестяной банки из-под кофе, некогда произведенной в Индии и, согласно советской мещанской традиции, в дальнейшем использовавшейся для хранения чая «со слоном», Павел отсыпал немного содержимого банки в кружку. Попив чайку, он встал из-за стола, вышел в прихожую, спешно оделся и через полминуты смешался с унылым пейзажем нового микрорайона Юго-Запада Москвы.

На дворе стояла ранняя весна, задорно щебетали воробушки, в воздухе витал еле уловимый дух приближающегося тепла, каникул, дачных романов и желанного безделья.

Павел вздохнул и неторопливо двинулся навстречу судьбе, по дороге продолжая соображать, что бы все это значило.

* * *

А позвонил некто Николай Николаевич. Представился сотрудником крупной государственной организации, которой требовались специалисты для работы за рубежом. Павел заканчивал пятый курс, неплохо знал английский, но для такой роли не очень подходил из-за «политической безграмотности». Однако звонивший блокировал сомнения Павла, ловко продемонстрировав осведомленность о его проблемах и намекнув, что организацию они не заботят.

Николай Николаевич назначил встречу немедленно, в сквере на площади Ногина, у памятника героям Плевны. Он оказался среднего роста и возраста. Одет в черный плащ, из-под которого выглядывал темно-синий костюм, безукоризненно чистая рубашка и удачно сочетающийся с ней галстук – все явно заграничного производства.

– Ну что же, добрый день, товарищ Семенов, – Николай Николаевич протянул Павлу руку.

– Здрасти... – промямлил Пашка.

– Павел Васильевич, – Николай Николаевич жестом предложил присесть на скамейку. – Хоть на дворе и первое апреля, от шуток мы воздержимся. Я представляю Комитет государственной безопасности.

Павел почувствовал, как челюсти свело судорогой.

– Есть мнение, – продолжил НН, – что мы могли бы поработать вместе. Работа у нас ответственная, но интересная, творческая. Опять же, связана с поездками, в том числе за рубеж. Как вы к этому относитесь?

Павел уже собрался ответить и даже подался вперед, но собеседник, похоже, в этом не нуждался:

– При первом приближении вы нам подходите. Конечно, я не настаиваю на немедленном ответе. Но если вы не отказываетесь продолжать разговор, прошу вас подписать один документ. – Николай Николаевич протянул Павлу небольшой листок неплотной бумаги с машино-

писным текстом о неприятностях, которые могут последовать в случае разглашения содержания предстоящего разговора.

Павла захватила непривычная игра. Заинтригованный, он подписал бумагу.

Протянув «документик» собеседнику, Павел отметил, что внешне Николай Николаевич походит на Коровьева-Фагота из булгаковского «Мастера», находящегося на очередном пике всенародной любви.

«Только пенсне нет и одет прилично...»

Павел поймал на себе неприятно пристальный взгляд. Ему показалось, что чекист прочел его мысли.

– Павел Васильевич, – спокойно поинтересовался «Коровьев» из КГБ. – Вы техникой увлекаетесь?

– В какой-то степени.

– Дискотеки в институте проводите... У вас там рок-группа, кажется, есть? Это не совсем хорошо. Сами понимаете, музыка – оружие посильнее танков и ракет будет. Ну это простиительно по молодости. Как с техникой у вас? Усилители, колонки, надеюсь, фирменные?

Павел категорически отказывался верить, что представитель госбезопасности обсуждает с ним не спецзадание, а аппарат их группы.

– Ну, нормально, синтезатор купили...

– Купили у спекулянта возле магазина на Шаболовке. Зовется ваш синтезатор «Ямахой» и может сам играть музыку.

– Точно, – отозвался Павел растерянно и заметил разочарование в глазах Николая Николаевича.

– Знаешь что-нибудь про вычислительные машины с музыкальными компьютерными программами? – вдруг перешел на «ты» НН.

– Не слышал.

– Подумай. Может, что читал в «Ровеснике» или «Науке и жизни»?

– Нет, точно нет.

– Очень мне это жаль.

Павлу показалось, что Николай Николаевич сейчас встанет со скамейки и, не прощаясь, навсегда уйдет из его жизни. Но тот стряхнул пылинку с плаща, а вместе с этим переменялось его настроение. Он дружелюбно улыбнулся Павлу как старому знакомому и, опять обращаясь к нему на «вы», стал рассказывать.

– Вот вы, Павел Васильевич, говорите, не слышали про вычислительные машины, они же компьютеры, пишущие и играющие музыку за человека. А между тем в Америке каждый школьник прекрасно понимает, что прогресс без техники будущего невозможен. Поэтому даже музыкальные вычислительные машины имеют собственную миссию. Вот, к примеру, есть в Соединенных Штатах такой популярный кинофильм – «Звездные войны». Как думаете, какая у него миссия?

– Я не смотрел этот фильм, извините.

– Это пятерка! – обрадовался Николай Николаевич. – Правильно, нечего смотреть буржуазную чушь. – Он опять стал серьезен и снова, то «тыкая», то «выкая», сделал Павлу внушение:

– Тебе со мной не надо бы хитрить. Я понимаю, у вас в институте не принято вслух обсуждать, чем вы там все занимаетесь в свободное от учебы и комсомольской работы время. Но мне, Павел Васильевич, вы можете говорить все как есть, потому что у нас времени нет.

«Видно, тактика у них такая – ни с того ни с сего переходить с „ты“ на „вы“ и наоборот, – подумал Павел. – Для чего это, интересно? Чтобы держать собеседника в напряжении?»

Тем не менее надо было отвечать. Ему нечего было скрывать и бояться – это кино он и правда не смотрел:

– Простите, но я действительно не видел «Звездных войн», – сказал Павел. – Читал кое-что, конечно, картинки были в журналах. Робот там ходит железный, с руками. И еще маленький какой-то на ножках... Или колесиках? Кроме того, доктрина Рейгана у всех на слуху... К тому же, – Павел окончательно вернул себе привычную самоуверенность, – не каждый же день встречаешься с сотрудником КГБ.

Николай Николаевич не дал ему насладиться собственным остроумием и превосходством перед собеседником по степени начитанности.

– Ага, – продолжил тот легендарную цитату из «Мастера и Маргариты». – «Если бы каждый день, это было бы приятно». Азazelло так ответил Маргарите Николаевне. Отличный роман, правда?

– Хороший.

– Не хороший, а именно отличный. И у Солженицына есть очень хорошие романы. А еще знаешь ли ты, что, помимо тебя, «Голос Америки» в Союзе слушает почитай девяносто процентов студентов? И даже почти что вся сельская молодежь! И вы, товарищи комсомольцы, книги читаете далеко не только те, что рекомендует программа истории партии... И что с того? Если человек умный, он поймет, где истина, а где клевета на наш социалистический строй. А нам без умных парней далеко не уехать. Скажу тебе вот что: если мы друг другу правду не будем говорить, нашей работы не сделаем. Она у нас должна делаться не только холодной головой и горячим сердцем, но и с открытыми миру глазами. Дураки и пустозвоны нам не нужны. И враг способен написать хороший роман или сочинить красивую песню. Тем он для нас вдвойне опасен. Понял меня?

– Понял, но не совсем. Вы считаете, Булгаков враг?

– Мне пора, – вместо ответа отчеканил Николай Николаевич. – Завтра жду вас по этому адресу ровно в одиннадцать часов утра. Спасибо большое за то, что уделили время. – Николай Николаевич протянул Павлу небольшую карточку с адресом и удалился.

Проводив чекиста взглядом, Павел дал себе слово забыть про него навсегда и никуда завтра не ходить.

«Значит, Булгаков для них враг, да?!» – размышлял он, рассекая широким шагом по Варварке. Из чувства бьющего через край протеста он громко запел:

*Катим в дилижансе,
Шухер: впереди кожанки.
Вот непруха, это ж надо!
А какой чудесный вечер был...
В петлице ландышей букетик,
У Беллы дамский пистолетик,
Который я на Пасху Белле подарил...*

Прохожие реагировали по-разному: кто с удивлением, а кто и со злостью. Одна бабуля покрутила у виска рукой.

Однако, выразив протест, Пашка не смог победить любопытство и на следующий день, предупредив старосту курса о своем отсутствии, отправился на встречу. По указанному Николаем Николаевичем адресу располагался затерянный в переулках московской улицы Метростроевской неприметный, с виду ни разу за последние сто лет не выдавший капитального ремонта старинный трехэтажный особняк у Зачатьевского монастыря. Догадаться, что в этом районе коммуналок и доживающих свой век деревянных домов могло находиться учреждение, подведомственное КГБ, было трудно. Впрочем, будь Павел внимательней в то утро, он заметил бы три «Волги», припаркованные у стены Зачатьевского монастыря. На крышах этих машин

были установлены антенны, а номера с сериями «МКО» и «МКС» выдавали их принадлежность к специальной службе.

Лишь только Павел переступил порог дома, он понял, что его внешний антураж – маскировка. Внутри все было богато отделано мрамором и деревом, правда, в духе советских представлений о роскоши. На входе под защитой металлической решетки дежурил прапорщик. На аккуратном столике рядом с ним стоял телефонный аппарат без диска и некий предмет, напоминавший Павлу осциллограф.

– Вы к кому? – строго спросил его прапорщик.

– К Николаю Николаевичу. Семенов Павел Васильевич.

Охранник наклонился к «осциллографу», нажал там секретную кнопку и извлек из прибора похожую на проездной билет карточку.

– Паспорт с собой?

Павел кивнул.

Проверив документы через решетку, прапорщик пропустил Павла, выдал ему карточку и, указав на лифт, произнес:

– Кнопка «этаж пять». Карточку надо вставить в приемник, и лифт откроется. Вас встретят.

Павла озадачила эта самая «кнопка этаж пять». Особняк был трехэтажный.

«Может, у них тут каждый этаж поделен на два», – подумал Павел и, нажав кнопку в лифте, сразу понял, в чем дело.

Лифт поехал вниз.

Николай Николаевич встретил Павла как родного. Угостил чаем (по вкусу, к сожалению, это был все тот же «слоновий напиток»), предложил сухарики и печенье. Несмотря на подземное расположение, его кабинет не походил на бункер. Окна, конечно, не хватало, но все равно было достаточно уютно. Принадлежность хозяина «офиса» к Комитету выдавала статутка Феликса Эдмундовича и безупречный костюм. Павел не мог позволить себе хорошо одеваться, но очень хотел когда-нибудь выглядеть так, как некоторые американские актеры. Ему нравились в людях вкус, опрятность, даже щегольство. Он считал, что в этом скорее проявляется не тщеславие, а уважение человека к окружающим.

– Что вы так разглядываете меня, Павел Васильевич? – улыбнулся Николай Николаевич.

– Костюм у вас хороший. Я такие видел на членах Политбюро, когда они приезжали к нам в институт на встречу с ректором.

– Ну, это вы преувеличиваете. Членам Политбюро ЦК КПСС костюмы шьют на заказ в спецателье № 1 на Кутузовском проспекте руками самых талантливых советских портных. А мой костюм – французский ширпотреб, сработанный на фабрике товарища Пьера Кардена каким-нибудь Жан-Пьером, а не Иваном Макарычем. А что, внешний вид, на ваш взгляд, имеет значение?

– Ну да, конечно. С другой стороны, важно, какой человек, конечно. Это главное.

– Эх, юноша, сколько еще времени нужно потратить на то, чтобы убедить вас быть максимально точным в выражении своего мнения? Можно обойтись без всяких там «с другой стороны», «тем не менее», «хотя»? Страсть как не люблю я всех этих дел. Говори прямо. Если принял решение – делай. Пусть оно неправильное, но твое, время на колебания не трать. Если есть вопросы – задавай. Про однопартийную систему сморозил на семинаре, а про одежду говорить боюсь, так?

Павел вздохнул. Все-то им известно. Стало неуютно, внутри рождалось возмущение этим всезнайством. Опять же разговор о Булгакове...

«И вообще, я им пока ничего не должен. Это ведь они меня заметили и первыми пошли на контакт».

– Да не боюсь я, – твердо ответил Павел и понял, что и правда не боится ни щеголя Николая Николаевича, ни прапорщика с пистолетом на входе, ни подземелья, расположенного на пятом этаже трехэтажного здания. – И вообще, – добавил он, – нет ничего выдающегося в том, что вам известна история с вопросом об однопартийной системе. Из-за нее меня в партию не приняли – это все знают. А преподносите информацию как нечто исключительное, чтобы произвести впечатление. Вот что я вам скажу: впечатление не произведено...

Николай Николаевич строго взглянул на Павла, встал, подошел к журнальному столику, на котором стояли чайник и вазочка с печеньем, налил себе полчашки и вернулся на свое место.

– Павел Васильевич, если вы догадались о намерениях собеседника, ну, например, о стремлении произвести впечатление, как вы выражаетесь, мой вам совет: не спешите говорить ему об этом. Знание – оружие. Тайное знание – сверхоружие. Это касается даже мелочей. Ясно?

– Мне это пригодится?

– А я думаю, пригодится. – Николай Николаевич открыл ящик своего письменного стола, достал оттуда видеокассету и протянул ее Павлу. – У вас есть возможность взять у кого-нибудь видеомэгафон на вечер?

– Да, – немного подумав, ответил Павел.

– Посмотрите внимательно, потому что нам предстоит детальное обсуждение этого важного материала.

– А что это?

– Это? А, да это кино. «Звездные войны», эпизоды пятый и шестой.

Когда Павел ушел, чекист поднял трубку телефона, набрал четыре цифры. Дождавшись ответа, бодро отрапортовал:

– Привет тебе, Ян Иваныч. Докладываю: повозиться придется, но парнишка обучаем. Надо вытаскивать его к нам, поработать над здоровьем слегка и одновременно как-то протестировать его поджилки. Если сломается, значит, я ошибся. Что? Да. По самой строгой шкале проверяй. Но по возможности без членовредительства. А я пока займусь нашим вторым. Мое мнение, говоришь? Не знаю... Не трус, хотя надо подумать, как бы ему прибавить решительности. Главное, он совсем чист, по всем статьям нашим годен. Я бы сказал даже, он мне нравится. Широкий кругозор, не идиот и не из идейных карьеристов. Если не будет делать глупости, воспитаем из него кадр на миллион рублей. Как вы сказали? А... Да, согласен с вами, лучше на миллион долларов.

Николай Николаевич повесил трубку и взглянул на казенную статуэтку Дзержинского. Феликс строго смотрел на него оловянными глазами.

Пашка, выйдя на волю, вздохнул полной грудью и подумал, что никогда больше не вернется в это здание, где под прикрытием то ли коммуналки, то ли дома быта трудятся опасные своей хитростью сотрудники самого неприятного в стране ведомства. В этот миг он отчетливо осознал, как свободен и оттого счастлив, в отличие от Николая Николаевича, прапорщика у дверей и вообще всех этих людей, вынужденных постоянно жить в напряжении, доказывать кому-то свою лояльность, оглядываться по сторонам, взвешивать каждый поступок и каждое слово.

– Ну его на фиг, – решительно констатировал Павел и бодрым шагом направился к метро «Парк культуры».

Глава пятая

Через два года

«...Наживать себе колотье в боку... Наживать колотье... Интересно, я сейчас сумею фразу про колотье перевести на французский? К месту же я тогда вспомнил слова Атоса из „Трех мушкетеров“! Откуда это? Похоже, из главы „Совет мушкетеров“... *Voilà pourquoi il est inutile de gagner une pleuresie en nous pressant...* Это ж надо! Вспомнил. Но, определенно, надо Достоевского перечитать, а то в голову, кроме Дюма, ничего не лезет. А еще человек с высшим образованием».

А в боку действительно кололо так, словно туда немилосердно вбивали тупые гвозди. Второе и даже третье дыхание не справлялись. По правде сказать, силы закончились давно, но оставалась инерция, а впереди было еще целых два круга ненавистной «полосы аттракционов», километра три или даже четыре, и он держался только потому, что ни за что не хотел опозориться перед сослуживцами.

Эта самая юношеская боязнь стать посмешищем среди своих сыграла не последнюю роль в том, что Пашку Семенова угораздило оказаться в школе КГБ.

А все так безобидно начиналось...

На заре жизненного пути – уже очень давно – требовалось всего лишь набраться смелости или отчаяния и, сняв красный пионерский галстук, сбросив с себя рубаху, спрыгнуть с дерева в пруд. Потом уже – осмелиться дать сдачи распоясавшимся пацанам из соседнего третьего микрорайона, позже – пригласить на танец Юльку (на что пойти было еще трудней, чем решиться на предыдущий поступок), еще через год-другой выпить чистого спирту и очень постараться не быть самым пьяным в компании.

Вечное соревнование мальчишек. Надо быть первым, лучшим...

Кому надо?

«Нельзя, ты обязан... Ну же, взывай к скрытым резервам организма, разбуди их силой воли, – думал он, вопреки инструкциям дыша ртом. – Да... Скоро уже буду говорить такими вот штампами. Хуже – думать штампами. А еще Лешку этим попрекал. Интересно, как он, где он?»

Ноги заплетались, но он продолжал бежать, спотыкаясь о вспоровшие землю корни деревьев, вооруженный до зубов, с двойным боекомплектом, в «разгрузке», да еще, как дурак, в «сфере» и бронежилете. Раньше ведь хлебом не корми, но дай пострелять при любом удобном случае. В пионерлагере – из рогатки, в деревне – из винтовки дяди Левы, в тире в ЦПКиО имени Горького, на «войне» в институте... Сейчас, здесь, в лесу, он и думать не хотел о новых мишенях. Да у него элементарно не хватило бы сил надавить на курок, не говоря уже о том, чтобы передернуть неразработанный затвор!

Стараясь отвлечься от нечеловеческой усталости, он сперва бубнил себе под нос стихотворение Пушкина «К Чаадаеву» – одно из немногих выученных наизусть в свое время, потом пересказывал клятву пионера с обложки школьной тетрадки и вот теперь дошел до мушкетеров.

Павел читал, что при физических нагрузках необходимо расплывать сознание, не давая ему сконцентрироваться на текущем моменте. Некто мудрый советовал абстрагироваться от усталости, предаваться отрадным воспоминаниям и непременно видеть перед собой в качестве ориентира хотя бы одну ожидаемую приятную перспективу из будущего. Попробовал бы этот умник побегать вот так – в бронежилете. Омар Хайям в бронежилете ничего путного бы не смог написать.

«Хайям в бронеике – это забавно, – подумал Пашка, на секунду забыв об усталости, – а вообще это позор: знаю, кто такой Омар, а ни одного его стиха не читал».

Преодолев очередной овраг, он все же заставил себя погрузиться в воспоминания о предыдущем дне, где были, помимо прочего, откровения товарища по курсантской доле, открывшего ему страшную тайну имени кадровика Николая Николаевича.

Оказалось, Николаями Николаевичами в конторе зовут майоров. Доросшие до полковников могут представляться Владимирями Николаевичами. С генералами, как выразился приятель, «совсем другой коленкор, тут имена не нужны, потому что генерал – это не имя, не кличка, не должность и не звание. Генерал – это счастье».

Не знал Павел, шутит коллега или говорит серьезно. Разумеется, цеховой жаргон в КГБ существовал, предстояло изучить его досконально.

Он бежал по лесу и вспоминал, как три месяца назад успешно сдал выпускные в институте, защитил диплом. В отличие от большинства сокурсников, вопрос распределения его уже не беспокоил. Он готовил себя к поступлению на «ответственную работу», о чем в институте никому не было положено даже догадываться. Обладание этой, пускай маленькой, тайной подкармливало его тщеславие. И даже чувство превосходства над товарищами, испытанное им тогда впервые, не насторожило. А ведь раньше он и не предполагал, что сможет когда-нибудь превратиться из неженки в толстокожего. В общем, по всему видать, не зря его заметили и привели органы. Вот еще слово дурацкое – «органы». Какой-то медицинский термин.

* * *

Наконец настал момент истины. Теплое летнее утро звало на пруд близ усадьбы Трубецких у Ясенева, а не на подвиги ради государственной безопасности, однако он, облаченный в серого цвета костюм от фабрики «Большевик» и серые ботинки немецкой фирмы «Саламандра», вошел через аккуратное КПП на территорию учебного центра советской разведки. В просторечии центр этот именовался лесной школой.

Ботинки были малы на размер. Накануне он несколько часов разносил их, надев на шерстяные носки и разгуливая по квартире и этажам в подъезде, однако полученным результатом остался недоволен. В магазине на улице Бутлерова больших размеров в ассортименте не значилось, да и за этими маломерками он покорно отстоял три с половиной часа как все, расталкивая у заветного прилавка нахалов, стремящихся пролезть без очереди.

Вот тебе и чекист, вот вам и будущий советский разведчик – давится за туфлями, как недобитая контра, как последняя фарца.

Но это все теперь в другой жизни, за воротами. По крайней мере, с обувью проблем с сегодняшнего дня быть не должно.

Первый будущий коллега, Олег, с которым Павел столкнулся в бюро пропусков, вскоре стал приятелем, собутыльником, задушевым другом и напарником по изнурительным учебным заданиям.

Сейчас Олег бежал где-то рядом параллельным маршрутом.

До точки встречи оставалось не больше километра. Павлу очень хотелось снять и бросить на землю каску, отшвырнуть подальше автомат, сорвать бронежилет, упасть в траву, отдышаться. И пусть он при этом покроет себя позором, но дальше перебирать ногами невозможно.

«На кой ляд мне эта оперативная подготовка, если я работаю в аналитическом отделе?! Батя, начальник, тоже каждый день твердит, что не мое это дело – по крышам лазать, а что тогда мое?»

Шестое чувство, инстинкт или нечто в этом роде проявило его второе, не занятое размышлениями «я», бросив тело на землю за мгновение до того, как что-то срезало ветки с деревьев на уровне головы, как раз в том месте, где он через мгновение должен был пробежать.

– Твою мать! – выдохнул Павел, впечатываясь под тяжестью обмундирования в твердую землю.

Моментально потемнело в глазах и начисто заложило уши.

«В меня стреляли. Откуда?»

Ему вдруг стало очень страшно за свою жизнь. Страх смерти – это вам не томление в очереди к зубному врачу. В голове проносились мысли одна нелепей другой: «Кто это мог быть? Шпионы?» Павел почему-то решил, что оставаться на месте – непрофессионально. Конечно, он не знал еще, как поступить: то ли бежать сломя голову в кусты, то ли лежать тихо... Автомат, мини-арсенал боеприпасов, гранаты – все казалось в его положении совершенно бесполезным. Да и само положение вдруг представилось ему до того жалким и лишенным перспектив, что он даже заныл с досады.

Не соображая, что делает, Павел быстро отполз в сторону и в попытке обезопасить себя, по крайней мере с одной стороны, попытался укрыться за стволом разошедшей липы. Скорость, с какой он совершил маневр, частота движения конечностей делали его похожим на испуганно прячущегося в норке рака-отшельника. Пули глухо ударили в ствол дерева, труха посыпалась на каску и за шиворот. Зацепившийся за рукав паучок упал на землю и скрылся в траве. Павел искренне позавидовал паучку. Над головой снова зашипело – в другое время он подивился бы, сколь мощный это, не похожий ни на что звук. Пуля разорвала воздух в опасной близости. Стреляющие давали понять, что видят его.

«Ну и чего не стреляют прицельно?»

Но откуда-то взялись силы и отчего-то сказочно быстрой стала реакция, подсказав правильные действия. Вероятно, его спасла элементарная человеческая обида, тут же переросшая в отчаянную ярость.

– Эй вы, там, что за хрень?! – прокричал он, не узнав собственный голос. Затем резко приподнялся и, отбежав в сторону, быстро откатился в кустарник, после чего нырнул в небольшой овражек.

«Ох, как кстати он оказался на пути...»

Стрельба прекратилась. Павел стер холодный пот со лба. Не просто холодный, а словно наледь на извлеченной из морозилки бутылке водки. Он достал из кармана компас, трясущимися руками развернул план местности, кое-как сориентировался. После пережитого стресса ему казалось смешным то, что еще полчаса назад он практически был готов подать рапорт об увольнении всего-то по причине непригодности к невыносимым условиям тактического обучения.

Итак, надо бежать к условленному месту во всю прыть. В противном случае жди серьезных неприятностей, ведь провал норматива чреват отправкой дела курсанта в «резерв третьей категории». А оттуда недалеко до карьеры особиста при автобазе Минобороны. И это в лучшем случае.

Ему советовали ничему не удивляться, ни на секунду не забывать, что условия обучения в центре максимально приближены к боевым. Конечно, он понимал: пули по-настоящему крошили ветки над головой, но не верилось, что свои могли так запросто застрелить.

Прошло больше минуты. Если провалиться в овраге еще столько же, хороших результатов не видать как своих ушей. Да и Олега можно подвести. Привстав и прижав к груди автомат, Павел вскочил и припустил по лесу, виляя, словно заяц, уходящий от своры гончих. Недавний страх прибавил сил, и он уже не сомневался: успеет и в норматив уложится.

Через час они с Олегом встретились в раздевалке, обменялись впечатлениями. После, уже в душевой, горячая вода окончательно успокоила напряженные нервы, расслабила, смыла усталость и пережитое волнение.

Сегодня они победили. Дойдя до точки сбора, сдали обмундирование, после чего их довели до центрального корпуса на дежурном уазике. В кабине до тошноты пахло бензином, но все-таки это был запах жизни, которой он чуть не лишился в лесу.

Олег, крепкий, высокий, статный, прошел дистанцию шутя. По крайней мере, так это выглядело со стороны. Пашка не считал себя слабеньким, скорее наоборот, гордился школьными и институтскими рекордами. Ему не было равных в подтягивании на турнике и беге на длинные дистанции. А вот Олега природа одарила богатырской силой и здоровьем. Казалось, он не прикладывает усилий для поддержания формы. Ну, действительно, встречаются порой такие самородки. Недаром Олега с ходу рекомендовали в РД, или отдел разведдеятельности, – место службы оперативников. Олег был из приезжих и по складу характера разительно отличался от большинства курсантов, имеющих столичные корни: порой среди них попадались и блатные, и даже откровенные мажоры.

Пашка не был блатным, но, видимо, благодаря интеллектуальному потенциалу ему суждено было львиную долю времени просиживать в аудиториях, будто он все еще учился в гражданском вузе. Предметы, не считая «научного коммунизма», были чаще всего необычными, увлекательными: «наружное наблюдение», «вербовка», «основы конспирации», «дезинформация» и, разумеется, «военная подготовка» и изучение иностранных языков по редким для обычной советской жизни первоисточникам.

Будущих разведчиков активно обучали водительскому мастерству. Отсутствие личного автотранспорта в большинстве советских семей, исторически сложившееся непонимание цивилизованной культуры вождения часто служили источником проблем для начинающих шпионов в первые месяцы работы за кордоном.

Еще его заставляли читать научную литературу и научную фантастику. О содержании этого чтива строго спрашивали, так что филонить было невозможно. Вся эта чушь на первый взгляд была уж точно ни к чему, но с первых дней пребывания в школе КГБ он крепко усвоил правило номер один: делай, что говорит начальство, и не рассуждай. Рассуждать будешь, когда сам станешь начальником. Если, конечно, дослужишься. Для непонятливых существовало правило номер два, гласившее: «Смотри правило номер один». Третьего правила не было.

В полночь они с Олегом все еще бодрствовали. В двухместном номере, который тут на больничный манер называли палатой, горела настольная лампа.

– Олечек, – Павел от души зевнул, – мне все-таки непонятно, как же в меня могли стрелять? А если бы я тогда голову не убрал?

– Старичок, – Олег приподнялся на кровати, отчего под ним жалобно скрипнули пружины, – кто его знает, а? Давай не будем гадать. И почему тебе все время нужно получить ответы на все вопросы, к тому же сразу? Если хочешь, спроси завтра у Бати.

– Ну и спрошу. Интересно, как бы ты себя чувствовал на моем месте?

На следующий день во время обеденного перерыва он, набравшись смелости, подошел к Бате.

Батя – это не прозвище, а фамилия начальника учебной части, полковника КГБ СССР. Леонид Антонович Батя родом был из Белоруссии, откуда конкретно – толком никто не знал. Полковник Батя с виду отличался строгим нравом, и по первости все курсанты его боялись. Со временем к специфической манере поведения наставника привыкали и, все еще побаиваясь, уважали. Ценили дельные советы, незлобный юмор, внимание к личности и особенностям каждого будущего защитника интересов советской родины на дальних рубежах. Это не только стимулировало стараться изо всех сил, но и в какой-то степени тешило самолюбие.

Улучив момент, когда Батя приступил к традиционному компоту, Пашка обратился к нему, встав у стола почти по стойке смирно:

– Товарищ полковник, курсант Семенов! Разрешите вопрос?

Батя отставил компот и притворно вздохнул.

– Уф... Это ты? Слава богу, а то мне показалось – воздушная тревога. Сколько можно объяснять: в столовой не надо обращаться ко мне официально. Из вас тут «сапоги» не производят.

– Извините, Леонид Антонович, привычка. Учту.

– Учти, учти, Семенов. И откуда у тебя может быть такая привычка? Ты что, воевал?

– Вчера повоевал немного...

– Ну садись тогда, рассказывай. Что стряслось?

– Дело вот в чем...

В нетерпении Батя застучал пальцами левой руки по столу.

– Леонид Антонович, вчера в лесу во время сдачи норматива по мне по-настоящему стреляли?

Батя неторопливо отхлебнул из стакана компот и, смакуя затянувшуюся паузу, лукаво улыбнулся.

– А ты сам как считаешь?

– Если по фактам, стреляли по-настоящему.

– Вот и суди по фактам...

– Понимаете... там был момент один... В общем, если бы я вовремя голову не убрал... Я только собрался встать, а тут... Короче, ветки, понимаете? Это была не учебная стрельба. И что, если... Голову просто случайно опустил я, понимаете? Совпадение. А могло быть...

– Стоп, стоп. Дальше не надо ничего говорить. – Батя отодвинул тарелки и стакан в сторону, облокотился на стол и, глядя на Пашку в упор, строго сказал: – Если бы тебе вчера в лесу снесло башку, мы бы похоронили тебя как героя. Знаешь почему?

– Нет... Почему?

– Потому что не хрена! – Батя хохотнул и вновь стал серьезным. – Кто знает, сынок, ведь, может, и года не пройдет, а тебе придется вот так же прятаться от империалистических пуль где-то далеко, где вовсе не «идут грибные дожди и в маленьком саду не созрели вишни», э...

– «...наклонясь до земли».

– Не умничай, я помню. И если тебя запросто можно завалить, если ты такой невнимательный, то лучше завалить тебя здесь и достойно предать родной земле, чем, к примеру, вместе с тобой рухнет наша сеть или станет известно о какой-нибудь нашей, грубо выражаясь, тайной операции. Понял, Паша?

Павел молчал, переваривая сказанное Батей.

– Did I make myself perfectly clear, pal? – с чистейшим произношением старожила американского Среднего Запада повторил вопрос Батя.

– Yes, sir, – еле слышно выдавил Павел.

– Задумайся об этом, пофантазируй. Придет время – не дай бог, конечно, – спасибо мне скажешь... Да не топчись ты, дай компот спокойно допить! И еще: следующий раз хотя бы пальни из автомата в направлении, откуда прилетят пульки. Не помешает. А уж потом ползай раком под деревьями или скачи по лесу, как кенгуру... Запомни, Семенов: кто бы в тебя ни стрелял не понарошку, стреляй в ответ. Свой, чужой – без разницы. Тогда у тебя будет шанс выжить. В следующий раз, когда тебя отправят на «виллу», постарайся не тратить время на удивление, недоумение и бесполезные вопросы. И последнее: ты вот говоришь, голову случайно убрал, дескать, совпадение. Это не совпадение, а везение. Ты везучий. И это тоже нам важно понимать. Усвоил?

Павел кивнул скорее из вежливости, поскольку на самом деле ничего не усвоил, и вернулся за стол, где его поджидал сгорающий от любопытства Олег.

– Не томи, Пашка, – выдохнул он, перегнувшись через стол. – Я одно большое ухо.

– Да нечего рассказывать... Батя по-американски говорит без акцента.

– По-английски?

– По-американски. Кайфово так у него выходит. Как на видеке. Помнишь, в «Смертельном оружии» этого бандита, Джошуа, что ли? Один в один его акцент.

– Значит, Батя наш там жил долго. Или талант.

– Откуда «жил»? Талант...

– Так что он сказал? По-настоящему стреляли?

– Попросил ничему не удивляться, когда опять окажусь на «вилле». Хорошее дело...

– Ну что, – Олег пожал плечами. – Значит, стреляли взаправду. С боевым тебя крещением.

Виллой в среде курсантов Андроповского института назывался специальный учебный центр, где обычно происходило много всего интересного, – работать «в поле» всегда веселей. Но ни Пашка, ни Олег раньше не слышали, чтобы там кого-то крестили огнем.

– Слушай, Олежка, пятница же сегодня! – воскликнул Павел. – Вспомнил, и так сразу стало хорошо на душе! Поедем завтра на Чернышевского?

– Да денег нет, какая может быть пиццерия?

– У меня с деньгами пока хорошо. Сэкономил на колбасе. Поехали, говорю!

– Да я-то что, я всегда пожалуйста. Увольнение на берег есть почетное право и святое дело. Вовку зовем?

– Зовем! Все, ударно поработаем – и вперед, моряки, нас ждет суша, бочка рома, жареный на вертеле барашек и лучшая в СССР пицца! – Пашка поднял стакан с компотом, намекаясь чокнуться с Олегом.

– Артист натуральный, – Олег засмеялся, поднимаясь из-за стола. – Работай, негр, солнце еще высоко. Пошли учиться.

– Кстати, нас из леса переводят на другую точку. Говорят, у каждого теперь будет свой номер. Так что есть повод для пиццы.

– И вермута, – добавил Олег.

– И вермута, – охотно согласился Пашка.

* * *

Во второй половине восьмидесятых пиццерия на Чернышевского была не менее известна и популярна, чем ныне – самые посещаемые московские рестораны.

Здесь можно было отведать стилизованные под итальянскую пиццу пироги, посыпанные колбасной нарезкой и сыром «Российский», тут никогда не заканчивался фирменный вермут и водка «Московская», да и на обслуживание клиенты не жаловались. Тут, по крайней мере, почти не хамили открыто и вызывающе, как в пельменных.

Олег, Пашка и Вовка (их уже называли то «трое неразлучных», то «святой троицей») заняли самый уютный столик в дальнем углу. Неяркий свет от настенной лампы падал на покрытый красной клеенкой столик, улыбка официантка охотно реагировала на знаки внимания, поддерживала шутки и прибаутки захмелевших друзей.

В отличие от Пашки с Олегом, Вовка, или, если официально, Владимир Владимирович Щедринский, скромностью не отличался вовсе. Более того, зачастую использовал не достигнутое пока еще положение. Личные служебные удостоверения, по-простому корочки, курсантам института, по соображениям секретности, выдавали только после зачисления в кадровый состав, так что козырять было нечем.

Но Вовке документ не требовался, так как он обладал способностями навесить лапшу на уши любому товарищу при исполнении. Особенно лихо у него получалось со швейцарами в возрасте. Войдя в пиццерию, Вовка без промедления решил правильно себя поставить. Он с полминуты о чем-то пошептался с неприступным дядькой в картузе, стерегущим вход, тот

быстро закивал, понимающе улыбнулся и словно уменьшился в росте. После этой короткой беседы друзья перекочевали в разряд почетных гостей популярного местечка.

– Эх, братцы, – мечтательно вещал, развалившись на стуле, Вовка, – сидим в кафе, пьем мартини как белые люди! Вы только представьте: вдруг случится так, что мы встречаемся в Цюрихе...

– Почему обязательно в Цюрихе? – машинально переспросил Павел, аккуратно вынимая из пиццы кусочки венгерского сервелата и выкладывая их рядком на край тарелочки, создавая таким образом стратегический закусочный резерв.

– Какая разница? Ну, положим, не в Цюрихе, а в Берне или в Мюнхене...

– Вован по ленинским местам решил нас провести, – предположил Олег.

– Дураки, дайте договорить. Так вот, в Цюрихе, в Париже или в Каннах. Или на Трафальгарской площади. Во! Давайте встретимся на Трафальгарской площади. Что бы ни случилось, давайте, братцы, встретимся на Трафальгарской площади, у Нельсона. Идет?

– По рукам, – охотно согласился Павел, запивая колбасу красным вермутом.

– У какого на фиг Нельсона? – переспросил Олег.

– Эх ты, деревня тихая! Паша-сан, объясните мне, как такой колхоз попадает в блатные учебные заведения?

– Не скажите, Владимир Владимирович, каждому шестку свой... этот, как его, сверчок... Или шесток?

– Или седьмок?

– А может, восьмок?

– Накрыло меня что-то... Другими словами, должен ведь у нас кто-то кирпичи лбом разбивать?

– Да сами вы дебилы! – Олег сделал вид, что обиделся, хотя давно уже привык к шуткам друзей. – Знаю я, кто такой Нельсон. Без глаза генерал. Просто сразу не вспомнил, а вы так прямо обрадовались.

– Генерал! – Пашка схватился за бока от хохота. – Без глаза! Какой он тебе генерал? Это ж не Кутузов!

– Адмирал он, Олежа, ад-ми-рал! – вторил ему Вовка.

– Ребят, хорош, ладно, – Олег всерьез надулся. – Умные все очень, идите кому-нибудь другому свою эрудицию демонстрируйте. Я знаю ровно столько, сколько мне положено.

– Все, все, проехали, прости, – Вова налил Олегу мартини в стакан до краев. – Давайте выпьем за что-нибудь высокое и светлое, например, за...

– ...родину? – подхватил Паша.

– Тьфу, зануда. За девушек! – предложил Олег.

– Ура! За девушек! Олежка ожил! Не обижаешься больше?

Олег примирительно махнул рукой и в один присест осушил свой стакан.

– Слушайте, братцы, – вдруг предложил он, – айда к Оле в Чертаново!

– Что за Оля? – почти одновременно воскликнули Пашка и Володя.

– Оля, которая на свадьбе у Димана играла на пианино, а потом еще Вовка пытался ее на руках крутить в танце, и они оба завалились на журнальный столик.

– Лучше не вспоминать, – мрачно отозвался Вовка.

– Конечно, у тебя же есть любовь, Надя твоя...

– Не трогай святое, а то получишь стаканом в лобешник, – заявил Вовка.

– То есть идея поддержки не получила? Понятно. Тогда сидите тут одни, кируйте, а я, пожалуй, позвоню ей. Тем более она мне еще вчера хотела что-то такое важное сказать. Дайте двушку кто-нибудь.

* * *

Олег вернулся за стол через пять минут. Выглядел он озадаченным.

– Отшила вас герцогиня, Арамис? – хмыкнул Паша.

– Как бы не так, – Олег налил всем по полному стакану вермута и перешел на шепот. –

Парни, вы в курсе, кто у Оли фазер?

– Нет, а кто? – спросил Пашка. Вовка усмехнулся и промолчал.

– Дед Пихто...

– А, ну тогда понятно... – Пашка потянулся за стаканом.

– погоди, брат, не пей, – Олег был серьезен и выглядел абсолютно трезвым. – Короче, у одного члена Политбюро дочь – красавица, а внучка еще краше, такая, что ни в одном кино не увидишь.

– Лучше Оли? – перебил Вовка.

– Лучше твоей Нади, – огрызнулся Олег.

– Ребят, ну хорош! Вы меня своими девками довели окончательно, – Пашка встрял в разгорающуюся ссору. – Олег, рассказывай.

– Ладно, – Олег демонстративно отвернулся от Щедринского. – Эта внучка – угораздило ее – влюбилась в одного необычного иностранного гражданина. Тот, само собой, от нее тоже без ума. Все было бы нормально, поругал бы девчонку добрый дедушка – всего и делов-то, но иностранец этот подарил девочке колечко. Вроде как в знак неофициального ангажемента.

– Чего? – уставился на него Вовка.

– Помолвки...

– И?.. Что такого? – Пашка пожал плечами. – Может, выпьем все-таки?

– погоди, Паш. Это еще не все. Девочка в ответ преподнесла мальчику – заметьте, мальчику из Соединенных Штатов Америки, а он, по слухам, большой ценитель антиквариата – семейную реликвию – часики. Не просто золотые, а именные, блин, подаренные деду самим Лаврентием Павловичем Берией.

– Ничего себе алаверды... Вот дурочка, – вымолвил Вова.

Все в задумчивости замолчали. Наконец Пашку осенило:

– Олж, а при чем здесь Оля?

– Как я уже говорил, папа у нее – большой человек в ЦК.

– Ты ничего не говорил про ЦК.

– Но теперь-то сказал. Можно продолжать? Спасибо. Так вот, папа в ЦК, а Оля – лучшая подружка этой нашей доброй души, что налево-направо сеет именные часы, подаренные Берией. Репутацию семьи еще можно спасти, поскольку жених не покинул страну и будет в Шереметьеве через четыре часа.

Друзья переглянулись.

– Ребята, как вы думаете, – осторожно поинтересовался Олег, – можно как-то помочь девушке? Оля очень просила. Я буду ваш должник...

– Олег, – Вовка пристально посмотрел на друга. – А почему бы самой семье не подумать о собственной репутации и не забрать у парня подарок? Можно ведь все объяснить, и он поймет.

– Хотели уже, – Олег в досаде чуть не уронил стаканы с томлящимся в них вермутом. – Но жених не выходит на связь. По мне, все похоже на спланированную операцию.

– Так, товарищи офицеры, – воскликнул Пашка, которому перспектива принять участие в реальной детективной истории показалась заманчивой. – А что нам стоит перехватить этого донжуана в аэропорту? Послужим репутации члена ЦК КПСС. Нас даже могут и наградить впоследствии.

– Лично я против, – заявил Вовка. – Ты, Паша, совсем с головой рассорился? Как перехватить? Чем? А вдруг эти часы он диппочтой отправил, мало ли что? Мы ж не знаем, что это вообще за человек, верно, Олег?

Олег сделал вид, будто поглощен остатками пиццы.

– А что, Вова, будем сидеть тут вермут пить, когда судьба дает такой шанс? – подначил друга Пашка.

– Я за вермут, – твердо заявил Щедринский. – А вы – конченные дебилы, братцы. Это не нашего уровня работа.

Друзья мрачно взглянули на Вовку.

– Впрочем, – добавил он задумчиво, – если вы оба поведете себя как дети малые, я вас не брошу.

– Тогда за дружбу! – просиял Олег.

– Олечка, притормози, – рассмеялся Пашка. – Это у тебя от радости или от стресса? Мы ведь в аэропорт едем, честь члена Политбюро спасать. И ты предлагаешь еще накатить?

– Верно, – улыбнулся Олег и поставил стакан на стол. – Просто, ребята, я вам очень благодарен, и...

– погоди, авантюрист, – перебил его Вовка. – Поскольку я из вас самый крутой с точки зрения житейской логики и поскольку я никому из вас все равно не позволю руководить безнадёжной операцией, давайте обсудим план действий. Начнем с информации. Олег, нам нужно знать, откуда американский господин едет, в котором часу вылетает и его основные приметы. В принципе дело выеденного яйца не стоит: потолкуем с парнем, все ему разъясним, и, я думаю, часики он нам отдаст. Если, конечно, девочку эту правда любит и это не провокация. А пока ты работаешь, я сметаюсь за своей машиной.

Вовка уже направился к выходу, как вдруг остановился и посмотрел на Олега.

– Старик, мы еще не натворили дел, мало ли как все обернется, все-таки иностранец, американец... Назови мне хотя бы одну вескую причину, зачем надо так рисковать своим будущим?

– Во-первых, считаю, дело выгорит. Но главное другое: шанса отстоять честь семьи члена Политбюро, наверно, больше не представится. По глупости может человек пострадать. И репутация страны, быть может. Ребят, завтра нас с вами распределят неизвестно куда, будем сидеть кто где, накатывать поодиночке. А тут реальное дело. Мы же мушкетеры или нет?

– Ты это сейчас серьезно? – пробормотал ошарашенный Вовка Щедринский.

Олег промолчал.

– Думаю, он серьезно, – вздохнул Пашка.

– Ты так считаешь?

– Скорее да, чем нет, – уклончиво ответил Пашка. – А ты?

– Парни, вы же меня знаете: когда дело доходит до смысла жизни, я шутить не люблю. Тут честь страны на кон поставлена.

– Вова, ладно тебе, – поморщился Пашка. – Ты не преувеличивай.

Пашке стало не по себе от высокопарности товарища. Он никогда не верил в искренность проявлений патриотизма и идеологической гиперправильности Володи. С виду, казалось, ни «новое мышление для нашей страны и всего мира», ни многочисленные разоблачения ошибок прошлых лет не могли поколебать убеждений Щедринского.

А еще в этот момент Пашка понимал: ярко выраженная преданность Вовы идеалам коммунизма, которую он нередко выставлял напоказ даже без всякой на то надобности, не прибавляла ему авторитета в глазах начальства. Это было несколько странно хотя бы потому, что Комитет официально считался передовым отрядом партии. И по идее, бойцы этому отряду требовались преданные и на деле, и на словах. Но вот Николай Николаевич при случае не раз давал понять, что умные бойцы намного ценнее упертых идиотов.

Вовка-то как раз идиотом не был и других недостатков, кроме старомодной веры в идеалы, вроде как не имел. Демонстрировал показное невежество в знаниях вне обязательного минимума, предусмотренного всесторонним советским образованием. Но в его ситуации это скорее можно было считать достоинством. Щедринский больше был склонен мечтать о карьере оперативника, человека, чья жизнь протекает в холоде, а не в облаках кабинетной пыли.

Глава шестая

Щедринский

В отличие от большинства одноклассников Вова Щедринский углубленно полез в теорию одобренной идеологическими приправами политики еще в девятом классе средней общеобразовательной школы № 863, надолго вошедшей в историю благодаря яркому учительскому составу и знаменитому выпускнику Леониду Агутину. Он не только мог с ходу вспомнить нескольких членов Политбюро ЦК КПСС, например товарищей Долгих, Капитонова, Катусева – фамилии, которые практически ежедневно торжественно выговаривали дикторы программы «Время», читая телерубрику «В Политбюро ЦК КПСС», – но и частично рассказать, какой внутривнутриполитический, экономический или внешний процесс конкретно курирует каждый из перечислявшихся партийных вождей.

Родителей его, напротив, беспокоили земные вопросы. Отец много работал, а в выходные добывал предметы быта и, разумеется, выпивку. На словах он был убежденным сталинистом: вспоминал про послевоенное снижение цен и поносил Михаила Сергеевича. Причем использовал столь яркие фольклорные выражения, что даже мать, привыкшая ко всему за столько лет совместной жизни, краснела и стыдила мужа за несдержанность. По поступкам же отец являл собой невероятно свободолюбивого человека, и обожествление Иосифа Виссарионовича могло быть просто выражением личного протеста.

Перестройка не дала ему ничего – наоборот, лишила не только свободы выбора напитков и времени их приобретения, но и значительной части заработка.

Работал он не за страх, а за совесть и деньги в дом приносил немалые. Но все это в прошлом. Страна начинала жить по-другому. И эта новая действительность его чрезвычайно раздражала. Он срывал злость на матери, но никогда – на сыне. Гордился им до счастливых слез. Особенно его радовала и приятно поражала житейская мудрость Щедринского-младшего.

Мать тоже трудилась и все еще пыталась воспитывать сына, хотя понимала, что время ушло и ребенок станет таким, каким ему стать суждено.

Но парень и правда выходил на многообещающие перспективы. Лишь только вступив в Коммунистический союз молодежи, он стал членом комитета комсомола школы. Отец это одобрил, хотя и пожурил: дескать, дело хорошее, но, как он выразился, «ты только не стань приспособленцем».

Учился Вовка исключительно на хорошо и отлично. Даже дисциплина не хромала. Но как раз сегодня произошла досадная неприятность: он проспал школу. Такое случалось не то что нечасто, а вообще никогда. Обидно было вдвойне, ведь опаздывал он на урок НВП, или начальной военной подготовки, с которого стартовал сегодня новый день Владимира Щедринского.

И если администрация школы прочила юному политически грамотному дарованию комсомольско-партийную карьеру, то военрук Яков Тарасович большие надежды возлагал на его талант снайпера.

Через неделю, конкретно в ближайшую пятницу, райотдел народного образования запланировал первенство района по стрельбе, на котором Вовка просто обязан был завоевать минимум почетное третье место. Вовке стрелять вообще-то не очень нравилось. В детстве он играл в войнушку и в индейцев, однако, повзрослев, вступив в комсомол, обнаружил в себе увлечение мирными специальностями. Но, как говорится, талантливый человек талантлив во всем: Щедринскому абсолютно любое дело давалось легко, будь то задача по алгебре или опасный прыжок с тарзанки.

На одном из занятий по стрельбе в школе, когда Вовка впервые в жизни взял в руки настоящий АКМ, он с легкостью Вильгельма Телля выбил сорок девять очков из пятидесяти возможных. Это привело Тарасыча в неопиcуемый восторг. С тех пор ученик Щедринский числился у военрука в любимчиках.

Авторитета у одноклассников данный талант ему не прибавил, но жизнь изменилась. Он только не мог по неопытности взять в толк – в худшую сторону или же в лучшую.

Задушевные разговоры военрука о перспективах блестящей военной карьеры Вовку утомляли, но деваться было некуда. Не мог же он сразу раскрыть все карты и, чего доброго, подпортить себе итоговую отметку по «эн-вэ-пэ», признавшись, что мечтает через два года поступить в институт культуры. Но не за тем, чтобы по окончании принять в административное ведение унылую библиотеку в Псковской области, а просто потому, что хотел Вовка быть музыкантом, создать собственный ансамбль, который когда-нибудь станет таким же популярным, как «Веселые ребята». Институт культуры был бы хорошим прикрытием для его истинных замыслов.

Но военрук ничего не знал и продолжал азартно и изобретательно агитировать за военное училище.

– Кто такой офицер Советской армии? – говаривал он частенько, встретив Вовку у дверей школы. – Отличник боевой и политической подготовки? Так точно. Но это еще и завидный жених! Офицер Советской армии регулярно проходит медицинское освидетельствование. И поэтому он здоров, перспективен как будущий отец здоровых детей, силен и имеет хороший заработок. Плюс надбавки за звания и много еще чего другого... Примеры: ему дают квартиру, он первый в очереди на машину, у него дома имеется фирменная... отставить, современная бытовая техника, в общем, преимущества очевидны.

* * *

Вовка наспех оделся, собрал тетради и учебники, наведаясь на кухню, вышел оттуда с краюхой черного хлеба, на которой лежал внушительных размеров кусок вареной любительской колбаски с вкраплениями жира – грамм на сто, не меньше. До школы ходьбы минут пять, а если бегом – и того меньше. Вовка стремительно сбежал вниз по лестнице, отсчитывая пролеты с пятого этажа.

Начиналась весна, снег таял, превращаясь в ручьи, которые текли вдоль домов, и детвора пускала в них самодельные кораблики. Когда-то он тоже любил мастерить такие из пробки: мачты делал из спичек, паруса – из почтовых марок...

По дороге он встретил маму. Она шла из магазина с авоськами в обеих руках.

– Владимир! Проспал? – она поставила нелегкую ношу на землю.

– Немножко. Мам, некогда, я побежал.

– А я вам с отцом колбаски купила. Финский сервелат в магазине выбросили. Сумки бы кто помог донести... И не ешь на ходу – заворот кишок может быть!

– Хорошо, мам, мне в школу надо. Извини, я побежал! А папка где, почему тебе не поможет? У него же выходной.

– Папка твой там же, где всегда, – поехал за вином очередь стоять.

– В Сосенки?

– Ой, ну откуда я знаю? Все, не опаздывай, беги, беги. Будешь, наконец, вовремя вставать или нет? Сколько раз говорить: не гуляй за полночь. Шляется до двух часов, а потом бегаёт... И что из тебя сделается? Парень такой хороший был, тихий, скромный, а ведь такой охламон стал, ну я прямо не могу...

Вовка уже ее не слышал. До школы было рукой подать – только перемахнуть через забор. «Деревня, где сучал Евгений», – стучало у него в голове против воли.

Сегодня на литературе Наталья Николаевна сто процентов вызовет к доске Пушкина декламировать. У него здорово получалось. Учительнице нравилось. А учительница нравилась Вовке. Но не как женщина, конечно, а как человек.

– Ну и как это понимать, Щедринский? – строго спросил военрук, лишь только Вовка, виновато переминаясь, переступил порог класса. – Попомни мои слова: в армии тебе будет очень трудно, если не найдешь общий язык с дисциплиной. И все попомните эти мои слова, – добавил Яков Тарасович, обратив свой суровый взор на учеников.

Родом учитель военной подготовки был с Вологодчины, оттого говорил особенно: окал и забавно коверкал некоторые слова – вместо «шлем» произносил «шлема», вместо «класть» говорил «ложить». Дети потешались за глаза, но в его присутствии шутить побаивались. Яков Тарасович человеком был строгим, но незлобивым. Выглядел неизменно подтянутым, был чисто, до синевы, выбрит, щеголял по школе в потертой, но безукоризненно чистой форме подполковника артиллерии. Хочешь не хочешь, а такого уважать можно хотя бы за такую последовательность в привычках.

– Извиняюсь, Яков Тарасович, – проговорил Вовка, глядя в пол. – Я маме сумки помог донести от магазина.

– Садись на место, – смягчился военрук и, когда Вовка проходил мимо учительского стола, шепотом спросил: – Про сумки врешь, небось? Молодежь сейчас не та, что раньше.

– Не вру я. Молодежь та же, что и раньше, – уверенно и четко отозвался Вовка.

После урока, часть которого проходила в тире, расположенном в школьном подвале, Вовка с друзьями играл в трясучку.

– Ну что, Владимир Владимирович? Провидение не на вашей стороне? – довольно басил здоровяк Саша Журавский, пряча в карман очередную порцию выигранной мелочи.

Сегодня Сашке везло, а Владимир Владимирович стабильно проигрывал. Лишившись тридцати копеек, он решил завязать. По лестнице спускалась Надя – его безответная школьная любовь, адресат пламенных писем, которые он сочинял ей ежедневно, тут же рвал на мелкие кусочки и выбрасывал в окно.

С недавних пор Надя стала причиной охлаждения интереса Владимира Щедринского к текущему моменту политической жизни страны. На уроках он теперь чаще бывал рассеян, чем сильно удивлял привыкших к его экстраординарным успехам учителей. Но, как говорится, сердцу не прикажешь. Вовка влюбился не на шутку и по свойству принципиальной своей натуры определил для себя, что эта любовь хоть и первая, но она же последняя, раз и навсегда. Надя не была красавицей в традиционном понимании.

То есть, конечно, симпатичная девчонка: темноволосая, с большими, как у куклы, глазами. На фигурку Вовка внимания не обращал по первости, вплоть до класса восьмого, когда стал воспринимать свою безответную любовь в совокупности, так сказать, всех ее достоинств.

Вовкин класс являл собой эталон дружного коллектива. Это определено был единый организм – задорный, легкий на подъем и всяческие нестандартные выдумки. Вся школа завидовала их спаянности и единомыслию. Ребята подобрались очень разные, учился класс неровно, на родительских собраниях учителя удивлялись, как получилось, что столь неравнозначные по социальному статусу детки оказались в одной группе учеников и так между собой сдружились.

Так вот: в их почти семейном кругу скрыть приязнь Вовки к Наде было нереально. Да он и не старался. Дела ему не было до того, какие разговоры ходят по школе. Лишь однажды пришлось расквасить нос Сереге Фониному за то, что тот на перемене явно нехорошее отпустил по поводу Надькиного характера. За нос Фонин отомстил немедля, посадив Вовке под глаз живописный синяк. Отвечали за потасовку оба, солидарно. Сначала перед директором, потому уже дома, каждый перед своими родителями.

Обстоятельства сложились так, что именно с тем самым синяком Вовка явился по своей первой повестке в военкомат, где его, как настоящего мужика, тут же пообещали забрить в спецвойска...

Сегодня он твердо решил сказать Наде все, что хотел.

«Но как? Какими словами? Взять примеры из книг? Из „Двух капитанов“ или откуда-нибудь еще? – размышлял он. – Да, „Два капитана“ – хорошая тема, но какую фразу выбрать? Что там такого особенного сказал Саня Григорьев Катьке, что та в него вдруг взяла да и влюбилась?»

Он этого не помнил. Не листать же книгу перед свиданием. Чутье подсказывало: надо решаться и делать хоть что-то – под лежачий камень вода не течет. Да и время уходит. Еще немного, и будет он совсем старый, поступит в свой институт, а Надька наверняка выскочит замуж. И тогда его дело труба. Новой Надьки не найти, она лучшая на свете, его принцесса, его Джульетта, его декабристка, которая, узнав, какой он на самом деле отличный парень, пойдет за ним на край света.

После уроков Вовка однозначно решил совершить поступок. Он так и не придумал, что скажет Наде. Но природная решительность взяла верх, несмотря на то что в голове вместо красивых и ловких фраз вертелась зовущая на абстрактный подвиг белиберда: «Ведь я советский человек!» Накануне показывали кино про подвиг Мересьева, вот и привязалась фраза из фильма.

Вовка шел по району и отчего-то думал, что, случись и ему быть сбитым немцами над лесом, он бы, скорее всего, тоже дополз до своих. Сил должно было хватить, ведь он отличался завидной выносливостью, даже был чемпионом школы по стайерским забегам на лыжах.

Тем вечером воздух был особенно богат весенними ароматами. Безветренная погода, долгожданное тепло и немного портвейна, которым по дороге угостили Вовку дворовые кореша, добавили решительности. Он смело проследовал к дому Нади, вошел в подъезд и позвонил в ее квартиру. Предварительно он удостоверился, не пахнет ли от него спиртным, и, приложив руку ко рту, подышал на нее. Ничего не почувствовав, успокоился и стал ждать.

Удача не улыбнулась – дверь открыл ее отец.

– Чем могу? – спросил он, оглядев гостя с головы до ног.

Его до синевы выбритое лицо, пристальный взгляд и слишком ухоженный вид для обычного советского мужчины в это время суток вызвали у Вовки чуть ли не классовую неприязнь. Он слышал, что папаша у Нади человек непростой. Где работает, никто толком не знает. Ездит на «Волге» с шофером. Судя по шмоткам, бывает за границей, но дочку не балует совсем. По крайней мере, ничего фирменного сверх «среднедостаточной» нормы Вовка на ней не замечал. Хотя, с другой стороны, что он в этом понимает?

Так они и стояли, глядя друг на друга. Вовка вдруг кожей осознал, какой хороший у него папа, как он его любит за простоту, доброту и отсутствие в лексиконе всяких этих «чем могу».

«Да, неприятный дядька этот мой будущий тесть», – подумал Вовка и мысленно вздохнул.

Ему захотелось тут же уйти, но в коридоре появилась Надя.

– Пап, это ко мне, одноклассник Щедринский.

– Тот самый? Хорошо.

Неприятный дядька ретировался. Они остались наедине. Надо было что-то говорить, а он замялся. Но видя, что Надя вот-вот рассмеется ему в лицо, выпалил:

– Гулять пойдешь?

– Гулять? – она старалась выглядеть удивленной. – Зачем?

Это уже слишком. К таким простым вопросам Вовка не был готов.

Зачем?.. Да как объяснить зачем, если сам толком не знал, где собирался с ней гулять, что говорить, что делать. Он предполагал, что во время прогулки наступит, быть может, момент,

когда он сумеет под каким-то предлогом взять ее за руку или поцеловать при случае... Но не мог же он сейчас поделиться с ней такими далекоидущими планами...

– Ну... так, пройдемся, – протянул Вовка. – Погода... Солнце... Хочешь, в кафе-мороженое сходим?

– В мороженое? Не знаю. Мне уроки еще делать. И вообще, спать скоро...

– Понятно, – выдавил Вовка. – Тогда я пошел?

Пауза затянулась. Казалось, Надя ждала чего-то, а он, будто заколдованный, стоял и не мог произнести ни слова.

– Ну, тогда, что ли, иди, – пробормотала она и захлопнула дверь.

– Дурак непроходимый, – прошептал Вовка и с размаху хлопнул себя по лбу. – Блин, больно как...

Он развернулся и вышел из подъезда. Жадно глотнул весеннего московского воздуха, сел на лавочку. Ему показалось, что вся природа, весь мир смеется над его нерешительностью и слабостью. Он позабыл все свои достижения и победы, все казалось мелким по сравнению с тем, каким жалким он выглядит сейчас в глазах девушки.

Скрипнула пружина двери подъезда, и на улицу кто-то вышел. Вовка оборачиваться не стал. Через мгновение почувствовал аромат сигарет. Не запах дыма, а именно аромат – заманчивое, заграничное.

– Не вышла погулять, а ты и расстроился? – услышал он знакомый голос.

Напротив стоял Надькин отец. Кого-кого, а этого типа он увидеть сейчас не ожидал и совсем не хотел. Вовке вдруг захотелось сказать ему что-то неприятное, однако он не успел.

– Не ерещенься, – посоветовал нежеланный собеседник. – Вижу, переживаешь. А раз переживаешь, получается, хороший ты парень, Владимир.

Вовка удивился столь лестному выводу, прозвучавшему из уст этого человека, но, следуя изначальному импульсу, огрызнулся:

– Не Владимир, а Володя. Владимир уж больно официально звучит.

– И прекрасно, замечательно. Я с тобой и хотел поговорить именно официально.

В этот момент на Вовку нашло невиданное вдохновение. Он встал с лавки, и оказалось, что ростом он выше Надиного отца, причем существенно.

– Простите, как вас зовут?

– Владимир Иванович. Тезка твой. То есть ты мой тезка.

– Владимир Иванович, я хочу сказать вам, что я собираюсь жениться на вашей дочери.

И этот вопрос решен окончательно и бесповоротно. Все, точка.

Тот усмехнулся.

– Раз вопрос решен окончательно, я ничего не могу поделывать, сколько бы ни старался. Впрочем, я могу практически все. Однако женитьба для мужчины не самое главное. Чем собираешься заниматься в жизни? Какие интересы имеются? К чему, так сказать, лежит душа?

– Не знаю, а что?

– Ты вопросом на вопрос отвечаешь, а это между тем признак робости, нерешительности. Наконец, невежливо по отношению к будущему тестю. С другой стороны, время терять бессмысленно, ты прав, поскольку я о тебе давно все знаю и уже немало времени присматриваюсь к тебе. Парень ты хороший, патриотично настроен, только идеен излишне...

– Разве это плохо?

Владимир Иванович в ответ только плечами пожал.

* * *

Ребята все еще были во дворе, на лавочке под детским «грибком», курили и неспешно выпивали. Вовка присоединился к компании. С ним пытались заговорить, но он отмахивался,

и те наконец отстали. Он пил, и ему казалось, что вермут теперь его вовсе не берет. Разговор с отцом Нади ему не то что не понравился. Дело было в другом: Вовка просто не мог до конца осмыслить, зачем Владимир Иванович решил пообщаться с ним на столь неожиданную тему?

Его замутило, но скорее не от вермута, а от стыда. Еще бы, девушку на свидание пригласить как следует не сумел, а с отцом отношения наладил. Более того, сам не понял, как превратился в его протезе.

«Ну и охмуряло же этот Владимир Иванович, – со злостью и досадой в душе размышлял Вова. – Не надо было с ним вообще разговаривать. Но ведь интересно, с другой-то стороны! Дело это, конечно, для меня новое, необычное, но зато что может быть полезней стране? Одними политинформациями ей не поможешь. Да и не в военное же училище идти!»

– Мужики! – Вовка наконец ожил, поднялся с лавки и ударился лбом о край «грибка».

«Мужики» захохотали.

– Ничего смешного, – проговорил Вовка. – Человек ударился о деревяшку, а им смешно.

Я хотел выпить...

Его перебили:

– Клевая идея, давай, выпей!

– Молодец!

– Наконец-то...

– А до этого ты че тут делал?

– Я серьезно. Хотел выпить за нашу страну... За то, что мы родились именно тут. За счастье жить в Союзе Советских Социалистических Республик!

Без особого энтузиазма народ поддержал Вовку. Когда все расходились, Колян, сосед по подъезду, комиссованный из армии, как говорили, по ранению, удержал Вовку за плечо.

– Ты про счастье жить в СССР серьезно говорил? – спросил он, строго глядя в Вовкины глаза.

– Вполне серьезно, – подтвердил тот.

– А ты где-то еще жил?

– Где это «где-то», в смысле?

– В другой стране, умник.

– Не-а.

– Так что же ты лепишь тут, как диктор с телевидения, про счастливую жизнь? Ты понимаешь, Вован, думать надо своей башкой, а не слушать других!

Вовка не был настроен ссориться, тем более с нетрезвым соседом. Говорили, будто его ранили где-то на границе, а то и в самом Афганистане и что осколки из него до сих пор продолжали извлекать в каком-то военном госпитале.

Не услышав ответа, Колян покачал головой и, не попрощавшись, скрылся в ночной темноте московского двора.

Вова решил было осуществить вторую попытку приглашения Нади на прогулку, но и в пьяном состоянии ему хватило ума не совершать такой глупости. Тем более что на секунду показалось, что его чувства к Наде могут быть ненастоящими.

«А вдруг я придумал эту любовь, а на самом деле ничего такого нет и не было?»

– Ушла любовь, завяли помидоры, – произнес он громко, с веселой злобой и, гордый и счастливый, побрел к дому.

По дороге, как нарочно, ему повстречался участковый милиционер, известный своим занудным и злобным нравом.

– Шатаемся без дела, – радостно воскликнул он, подойдя к Вовке и дыхнув на него чесночком.

Вовка ничего не ответил и попытался обойти участкового. Но тот настойчиво требовал общения:

– Распивал спиртные напитки в общественном месте?
– Чего пристал? – огрызнулся Вовка.
– Полегче, полегче. Оскорбление представителя власти?
– Какое оскорбление?
– Ты со мной на «ты».
– Извините, буду на «вы». А вы почему со мной на «ты»?
– Умный очень?
– Не жаловались.
– Так разговариваешь, да? Пойдем-ка со мной в опорный пункт.
– Не пойду.
– Не понял...
– А че тут понимать? Не пойду. До свидания.
– Так, стоять!
– Пошел ты в жопу, фараон! – Вовка взвился и уже готов был ударить милиционера по лицу. – Ты мне вообще никто. У нас диктатура пролетариата. Отец у меня – пролетарий. Так что я диктатор. И мне на тебя начхать.

Дюжий участковый скрутил Вовку без труда. Откуда ни возьмись подкатил уазик, куда быстро и ловко поместили незадачливого диктатора.

– Ну, все, паря, – зло ухмыльнулся участковый. – Карьера зэка началась.
– Да за что? – удивился Вовка и тут же получил сильный удар под дых.
– Эй, тише там, – вступился за него участковый, расположившийся впереди, рядом с водителем.

– Да ладно, нормально, – тяжело дыша, отозвался его напарник. – Не рассыплется, ничего.

В отделении крупный отвесил Вовке еще парочку тумаков и, толкнув в грязную и дурно пахнущую нишу за решеткой, запер его там и удалился.

– В кого ты такой грубый? – поинтересовался участковый спустя час, вызвав Вовку на допрос.

Тот демонстративно отвернулся к окну.

– Понятно. Слышь, смелый, да? Может быть, сержанта Дуськина пригласим?

– Кто это?

– Попутчик твой по патрульной машине.

– Не знаю. Он мне не понравился. От него чесноком пахнет. И от вас тоже. Отпустите меня...

– Я в толк не возьму, ты или совсем чеканутый, или взаправду смелый. Ну, мы это проверим. Ты хоть понимаешь, идиот, что твоя комсомольская анкета испорчена?

– Я ни в чем не виноват. А что идиот, так это точно...

Участковый встал из-за стола, подошел к зарешеченному окну.

– Вот это уже похоже на осознание вины. Слушай, Щедринский, ты знаешь Николая Сомова из тринадцатого подъезда?

– Конечно, знаю. Даже сегодня виделся с ним. Мы же в одном подъезде живем.

– Короче, меня тут попросили приглядеть за товарищем... Сомовым этим, в общем. А дел по горло. Мне одних жалоб от старушек разгрести на два века хватит. Так что, поскольку ты проштрафился, есть у меня к тебе просьба государственной, понимаешь, важности.

– Что за просьба?

– Сомов этот контуженный, видимо, ну и несет всякую ерунду антисоветской направленности. Сказки рассказывает про Афганистан, к примеру. Ты за ним ничего подобного не замечал?

– Нет, – Вовка не сумел скрыть неуверенность в голосе. – А я тут при чем?

– Это твой долг – помогать своей стране.

«И действительно много сегодня про страну», – подумал Вовка.

– Ты сказал что-то?

– Нет.

– Показалось, значит. На сегодня свободен. А про Сомова я серьезно. Поможешь – не забуду. Глядишь, карьеру сделаешь, Владимир Владимирович, и станешь большим начальником. Тогда про меня не забудь.

На следующее утро на душе у Вовки кошки скребли. Он не давал согласия стучать на Кольку Сомова, да и Надин отец конкретного ответа от него не дождался, но червь сомнения мучил, сдавливал горло и обжигал сердце.

В школе на перемене к нему подошла Надя. В другой раз Вовка бы воспарил от счастья, а сегодня ничего такого не почувствовал, а только слегка покраснел.

– Привет. О чем это отец мой с тобой вчера говорил? – спросила она.

– Да так, покурили немного. Но я вчера вермут пил. Почти ничего не помню, – соврал Вовка.

– Да? Ну ладно... – она постояла немного и, не сказав больше ни слова, пошла прочь.

Он догнал ее. Вышло у него это, видимо, слишком порывисто и в обстановке школьной перемены было столь неожиданно и неуместно, что несколько учеников обернулись в его сторону.

– Подожди, – он осторожно взял ее за руку.

– Ты чего? – удивилась Надя.

– Надо поговорить. О твоём отце, о нашем разговоре с ним и о нас с тобой.

– О нас с тобой? – она улыбнулась.

– Да. Надя, давай встретимся у пруда в восемь вечера. Я тебя буду ждать. Со стороны продмага. Приходи, не пожалеешь, – зачем-то добавил он и поспешил ретироваться, дабы не столкнуться с уточняющими вопросами, на которые у него наверняка не нашлось бы удачных ответов.

Надя провожала его взглядом, не понимая, что с ней происходит. И особенно невдомек было Наде, почему вдруг этот мальчишка показался ей таким симпатичным и совсем не чужим. Будто подменили парня. Как она могла раньше этого не замечать?

Но разве она действительно не замечала? Володя всегда выделялся среди остальных. Но чем-то таким, что шестнадцатилетним девчонкам нравится меньше, чем умение одеваться, причёсываться, курить и ухаживать... Ну играл в футбол лучше всех, ну подтягивался на турнике несчетное количество раз, стрелял лучше всех, да при всем при этом учился хорошо и читал в школе политинформацию. Он был недостаточно смел с девочками, но разве это недостаток на фоне нарочито небрежного отношения к одноклассникам со стороны других ребят? И сейчас она вспомнила, как он смотрел на нее, то и дело совершал глупые, неуклюжие поступки вроде вчерашнего приглашения на ночь глядя поесть мороженого. Накануне ее отец произнес очень странную фразу, когда услышал Вовкину фамилию: «Тот самый?» Но она ничего не рассказывала папе про своего одноклассника – повода не было. Будучи высокопоставленным сотрудником советской внешней разведки, он свою дочь видел замужем исключительно за кем-то из своих будущих коллег. Надя прекрасно знала об этом отцовском «пунктике», и ее возмущало, что тот все давно решил за нее... Конечно, Вовка Щедринский здесь ни при чем, но с каждой минутой события предыдущего дня вызвали у нее все больше вопросов. Любопытство и неожиданно вспыхнувший интерес к Щедринскому заставили ее принять окончательное решение: на вечернее свидание она пойдет обязательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.